покъ, рисъ и виноградъ, она находится въ начаточномъ состояніи. Еще въ худшемъ состояніи положеніе въ немъ коммерческаго образованія. На громадномъ пространствѣ квадратныхъ верстъ только 2, и то недавно открытыхъ, коммерческихъ училища и ни одной торговой школы. И то, говоря откровенно, одно изъ этихъ училищъ (Кокандское) пользуется поддержкой мѣстнаго общества, главнымъ образомъ, какъ суррогатъ общеобразовательной средней школы (другой въ Кокандѣ нѣтъ), а другое, въ Ташкентѣ, какъ общественный пасынокъ, не можетъ добиться клочка земли, чтобы соорудить себѣ прочное, постоянное гнѣздышко.

А между тѣмъ мѣстныя условія торгово-промышленной жизни столь разнообразны, такъ характерны и отличны отъ таковыхъ Европейской Россіи, что безъ знанія ихъ невозможно ступить и шагу. Что-же удивительнаго, если нашего подчасъ даже образованнаго, но незнакомаго съ мѣстными условіями коммерсанта почти совершенно поглотилъ смѣтливый отъ природы хотя и некультурный туземецъ сартъ или бухарскій еврей. Мы не только не знаемъ условій мѣстной торговой жизни. но какъ то мало даже и стараемся ее изучить, а между тѣмъ только это единое на потребу. если мы хотимъ закрѣпить за собою мирнымъ путемъ то, что кровью и потомъ пріобрѣтено нашими предками. Знаніе мѣстнаго языка, нравовъ и обычаевъ, пониманіе и всесторонее знакомство съ торгово-промышленными условіями края, изученіе главнѣйшихъ его растительныхъ культуръ—вотъ тѣ главныя задачи, на которыя должна отвѣтить мѣстная коммерческая школа, подготавливая мѣстныхъ дѣятелей, будущихъ носителей и вождей русской культуры въ краѣ. Нѣтъ надобности коммерческое образованіе въ краѣ дѣлать узко спеціальнымъ, необходимо лишь, чтобы общеобразовательные принципы покоились и проходились на объектахъ мѣстной культуры и промышленности.

Въ этомъ случаѣ, конечно, выиграютъ и индустрія, и наука. Первая, служа первоисточникомъ знаній, подготовитъ молодежь, судящую о ней не по наслышкѣ, къ практической дѣятельности, вторая, опираясь на реальныя данныя, выиграетъ въ наглядности, живости воспріятія, основательности, цѣльности и цѣнности своихъ выводовъ.

Правильная постановка коммерческаго образованія въ краѣ правильно разрѣшитъ все теченіе торгово промышленной его жизни—основного экономическаго вопроса, съ которымъ связано благополучіе не только Туркестана, но и, какъ въ хлопковомъ дѣлѣ, значительной части всей Россіи. Дѣло идетъ о томъ, сытъ-ли желудокъ, а вѣдь только сытый, а не голодный двигаетъ культуру.

В. Дунинъ-Барковскій.

Къ сорокъ третьей годовщинѣ взятія Ташкента русскимъ отрядомъ генерала Черняева.

Въ воскресенье, 15 іюня, исполнится сорокъ три года нашему господству въ Ташкентѣ, сдѣлавшемся главнымъ городомъ русскихъ Средне-азіатскихъ владѣній.

Что же подумаетъ мѣстный русскій обыватель по поводу столь важнаго историческаго событія? Лучше сказать: что долженъ подумать и почувствовать каждый русскій человѣкъ въ этотъ знаменательный день въ исторіи нашего отечества?

Прошу позволенія у читателя быть откровеннымъ въ отвѣтѣ на поставленный вопросъ и, на основаніи многолѣтнихъ наблюденій за ташкентскою общественною жизнью, сказать, что большая часть русскихъ жителей мѣстной столицы совсѣмъ не думаетъ не только о томъ, что сдѣлала для него горсть русскихъ солдатъ и офицеровъ подъ командою русскаго храбреца, но и о томъ, какими широ-

кими послѣдствіями сопровождалось овладѣніе Ташкентомъ... Изъ года въ годъ въ этотъ день духовенство и воинскія части съ начальствующими лицами совершаютъ крестный ходъ къ могилѣ русскихъ воиновъ, «животъ свой положившихъ на алтарь русскаго отечества при геройскомъ взятіи Ташкента», гдѣ служится панихида, а затѣмъ эта торжественная процессія возвращается въ городъ,—и конецъ торжеству. Обыкновенно въ этой церковной процессіи участвуютъ начальствующія лица, офицеры, представители города, оставшіеся въ живыхъ участники штурма, уже сократившіеся въ числѣ, и только не многіе изъ обывателей города, преимущественно изъ низшихъ слоевъ его; а классы зажиточные, вліятельные, интеллигенты (въ томъ числѣ и учащіеся) въ этой процессіи участія не принимаютъ. Одинъ разъ былъ случай, что даже нѣкоторые представители духовенства своимъ отсутствіемъ вызвали справедливое замѣчаніе преосвященнаго...

Такой странный и печальный фактъ еще болѣе бросается въ глаза, когда по дорогѣ къ Камеланской могилѣ встрѣчаешь массы туземцевъ обоего пола*) и дѣтей, съ любопытствомъ наблюдающихъ русскую религіозную процессію. И я убѣжденъ, что туземцы по своему хорошо понимаютъ и чувствуютъ значеніе ея... Но на эту тему пока довольно. Повторю еще разъ, что своимъ равнодушіемъ къ ежегодному торжеству 15 іюня мы показываемъ, что не интересуемся и, можетъ быть, не вполнѣ сознаемъ свое положеніе въ краѣ и значеніе нашего пребыванія и нашей дѣятельности въ немъ. Подумайте, читатель!

Наше, русское, равнодушіе къ завоеванному городу (а затѣмъ и краю) началось съ первыхъ лѣтъ обладанія имъ и продолжается доселѣ. Я не говорю о начальствующихъ лицахъ, которыя назначались и прибывали въ край по указанію свыше и по долгу службы дѣлали то, что должны были дѣлать. Но какъ дѣлали? Занявъ Ташкентъ «на-уру», даже вопреки Высочайшей волѣ, завоеватели и прибывшіе съ ними случайные русскіе люди о чемъ думали, что чувствовали? Отвѣчать на это я не могу, а догадываться не позволяю себѣ... Сами современники русской воинской доблести не оставили своихъ воспоминаній, а немногіе изъ живыхъ свидѣтелей первыхъ лѣтъ русскаго управленія обыкновенно отмалчивались на предлагаемые имъ вопросы о томъ, какъ они жили тогда и что дѣлали. Между тѣмъ они, эти піонеры русской гражданственности, въ завоеванномъ иновѣрномъ и иноплеменномъ краѣ невольно, безсознательно закладывали фундаментъ для русской общественной жизни среди туземцевъ, имѣвшихъ свой прочный, вѣками установившійся укладъ жизни. Если судить по романамъ Каразина и Ильина и по сатирѣ Щедрина, да по нѣкоторымъ случайнымъ разсказамъ при случайныхъ встрѣчахъ съ первыми представителями русскаго народа въ новомъ краѣ, то рисуется грустная картина тогдашнихъ русскихъ нравовъ, не исключая и нравовъ русскаго духовенства, столь грустная, что объ этомъ лучше не вспоминать и не говорить... А эти то нравы и дѣянія первыхъ русскихъ людей, не виданныхъ и не вѣданныхъ туземцами, послѣдними разсматривались какъ нормальные**); по этимъ нравамъ и дѣяніямъ они судили о русскихъ вообще, а нѣкоторые и сами втягивались въ новую жизнь и—пропадали... Словомъ, первые годы по завоеваніи Ташкента рисуются послѣдующимъ насельникамъ края въ образахъ невѣроятно-удивительныхъ, легендарныхъ,—и разобраться въ нихъ теперь уже невозможно. Но народная память туземцевъ строго хранитъ первыя впечатлѣнія отъ завоевателей и, если снисходительно про-

*) Женскій полъ обыкновенно располагается на крышахъ своихъ домовъ.

**) Особенно туземцы заблуждались относительно пониманія русскими религіи и семейныхъ отношеній, потому что судили объ этомъ по отрицательнымъ фактамъ русской жизни.

щаетъ кое-что, то потому, что завоеванные дорого оцѣнили русское благодушіе завоевателя, оставившаго имъ неприкосновенными религію, школу, семейный бытъ и почти весь строй испоконной жизни ихъ по шаріату. Случайныя попытки со стороны русскихъ властей снять покрывало съ лица мусульманской женщины ни къ какимъ результатамъ не привели и особаго ропота среди туземцевъ не вызвали.

И такъ, къ 15 іюня настоящаго года исполнится сорокъ три года, какъ русскіе впервые вступили въ Ташкентъ завоевателями и затѣмъ стали управлять туземными обывателями этого города. Съ того времени смѣнились три поколѣнія туземцевъ и три поколѣнія русскихъ, то есть: сороколѣтніе современники взятія города уже умерли, ихъ дѣти, родившіеся въ первые года русскаго управленія, сами достигли сороколѣтняго возраста и имѣютъ, въ свою очередь, уже взрослыхъ дѣтей и малолѣтнихъ внучатъ, которые въ счетъ не входятъ.

Современники завоеванія Ташкента, старцы, были глубоко поражены событіемъ 15 іюня 1865 года, а многіе изъ нихъ умерли, не вступая въ близкое соприкосновеніе съ завоевателями (изъ нихъ нѣкоторые старались не видѣть русскихъ до самой смерти, и я былъ лично свидѣтелемъ слезъ старца-туземца, встрѣтившагося со мной въ одномъ глухомъ закоулкѣ стараго города). Этихъ старцевъ я тоже не принимаю въ разсчетъ въ данномъ случаѣ.

Взрослыя сознательныя дѣти этихъ старцевъ отъ 20 лѣтъ и болѣе должны были поневолѣ вступить въ сношенія съ русскими, присматривались къ ихъ жизни и приноравливались къ новымъ требованіямъ новыхъ начальниковъ; кое въ чемъ уступая новымъ порядкамъ, они оставались въ главномъ вѣрными завѣтамъ своихъ отцовъ и дѣдовъ. Они надѣялись еще на возможность возвращенія къ прежнимъ формамъ жизни, что болѣе наивные и мечтательные изъ нихъ иногда и высказывали въ формѣ удивленія своего предъ начинаніями русскихъ, разсчитанными на многіе десятки лѣтъ. Такимъ удивленіемъ сопровождались возводимыя въ городѣ капитальныя постройки изъ жженаго кирпича, заключеніе долгосрочнаго договора съ бельгійскимъ обществомъ относительно трамвая и, наконецъ, проведеніе желѣзной дороги до Ташкента съ двухъ концовъ. *) На андижанское возстаніе 1898 г., при этой точкѣ зрѣнія, можно смотрѣть, какъ на попытку ферганцевъ возвратить насильственно прежнюю политическую независимость...

Третье поколѣніе—внуки дѣдовъ—современные завоеванію Ташкента, въ настоящее время имѣющіе возрастъ до 30 лѣтъ, выросли уже при русскомъ управленіи, и на нихъ вліяніе иныхъ формъ и условій жизни сказалось сильнѣе и не всегда къ лучшему. Среди этого поколѣнія туземцевъ можно встрѣтить иногда типы, уже не симпатичные и даже преступные.

Равнымъ образомъ и русскіе насельники завоеваннаго города успѣли смѣниться въ трехъ поколѣніяхъ. Изъ прибывшихъ въ край тотчасъ и вскорѣ по занятіи его въ живыхъ осталось немного.

Ихъ дѣти и сверстники ихъ дѣтей въ настоящее время уже пожилые люди и считаются дѣдами. На ихъ глазахъ ростетъ третье поколѣніе. Наши молодыя учебныя заведенія воспитываютъ въ своихъ стѣнахъ уже дѣтей первыхъ питомцевъ этихъ первыхъ разсадниковъ русскаго просвѣщенія въ Средней Азіи.

Что же сказать объ этихъ трехъ поколѣніяхъ туземнаго и русскаго населенія города Ташкента?

*) Такъ, когда строился нынѣшній огромный домъ покойнаго Д. Н. Захо, то нѣкоторые туземцы находили нерасчетливымъ предпріятіемъ возводить такую дорогую постройку, „такъ какъ этотъ домъ все равно въ будущемъ перейдетъ къ намъ“. А когда городская дума подписала договоръ относительно трамвая на 45 лѣтъ, то нѣкоторые простодушные туземцы не скрывали удивленія своего, что русскіе разсчитываютъ еще такъ долго владѣть краемъ. Предъ андижанскимъ возстаніемъ были, какъ извѣстно, распредѣлены между туземцами административныя должности, занимаемыя русскими лицами. Можно было-бы припомнить и нѣкоторыя другія подобныя же мечтанія.

Для отвѣта на поставленный въ концѣ предыдущей статьи вопросъ мы должны кратко сказать объ администраціи края, олицетворявшей законъ среди русскаго и туземнаго населенія, о духовенствѣ, какъ представителяхъ и учителяхъ религіи, о судѣ и школѣ,—какъ главныхъ факторахъ государственнаго воспитанія народа.

Что касается администраціи (собственно чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ), то ряды ея во многихъ случаяхъ пополнялись людьми безъ надлежащей подготовки**), а иногда, особенно на первыхъ порахъ,—лицами съ протекціей и потому только немногіе изъ нихъ убѣжденно относились къ серьезной и отвѣтственной задачѣ рѹсской службы въ новомъ краѣ, а большая часть многочисленнаго служилаго класса представляла собою подневольныхъ безъидейныхъ работниковъ, которые ѣхали въ край или ради привиллегій, или смотрѣли на свою туркестанскую службу какъ на временную ступень, какъ на этапъ въ дальнѣйшемъ движеніи къ дальнѣйшему повышенію, или наконецъ, какъ на ссылку. Во всѣхъ этихъ случаяхъ служба такихъ чиновниковъ была или мало полезна, или совсѣмъ безполезна, или даже вредна для дѣла и убыточна для государственнаго казначейства. Въ средѣ такихъ именно чиновниковъ были возможны рѣдкостные, не описуемые типы... Но здѣсь не мѣсто входить въ подробности, и я укажу и подчеркну другое, именно частую смѣну главныхъ начальниковъ края, которые давали основной тонъ административной дѣятельности, и результатомъ этого являлось отсутствіе единой, строго обдуманной программы по управленію краемъ, для котораго до сихъпоръ еще продолжаетъ вырабатываться особое положеніе. Въ истекшіе 43 года оно нѣсколько разъ пересматривалось и въ настоящее время находится въ фазисѣ новаго пересмотра. Я не считаю себя вполнѣ компетентнымъ въ этомъ вопросѣ, но кто прожилъ въ краѣ два—три десятка лѣтъ и слѣдилъ за оффиціальнымъ теченіемъ дѣлъ, тотъ можетъ сказать съ древнимъ греческимъ философомъ, что все течетъ... Но куда все течетъ и почему такъ, а не иначе направляютъ это теченіе—мудрено отвѣтить. Много было разныхъ начинаній въ краѣ, но рѣдкое изъ нихъ доводилось до конца и въ этомъ даже случаѣ рѣдко являлось прочно связаннымъ съ общимъ дѣломъ и съ общими культурными задачами и русскими государственными цѣлями*).

Можетъ быть, моя мысль и сравненія для иного читателя не ясны, но вдаваться въ подробности не входитъ въ задачу настоящей краткой замѣтки, написанной по случайному поводу и не преслѣдующей какихъ нибудь особыхъ цѣлей. Вмѣсто подробностей, я только напомню читателю, что со времени завоеванія Ташкента по настоящіе дни въ Ташкентѣ смѣнились слѣдующіе начальники—генералы: Крыжановскій, которому подчинялись завоеватель Ташкента Черняевъ и смѣнившій его Романовскій, фонъ Кауфманъ, Черняевъ, Розенбахъ, баронъ Вревскій, Духовской, Ивановъ, Тевяшовъ, Суботичъ и Гродековъ. Въ отсутствіе ихъ краемъ временно управляли изъ Ташкента же генералы: Колпаковскій, Абрамовъ,

**) При этомъ я обращаю вниманіе читателя на подготовку чиновниковъ для англійскихъ владѣній въ Индіи. [См. №№ 120 и 121 *Туркестанскихъ Вѣдомостей*].

*) Вспомнимъ арыкъ въ Голодной степи, конный заводъ на Кацланбекѣ, шелководство въ Ходжентѣ и въ Ташкентѣ, ярмарку и биржу на Мингъ-урюкѣ, а затѣмъ—вѣтродуй въ Голодной степи, поворотъ Аму-дарьи въ Каспійское море и т. д., а въ самые послѣдніе годы—проектъ открытія въ Ташкентѣ восточнаго института, или даже университета, института для благородныхъ дѣвицъ и другіе. Пересчитайте, наконецъ, сколько въ Ташкентѣ за разсматриваемый періодъ было учреждено разныхъ ученыхъ, полу-ученыхъ и даже совсѣмъ не ученыхъ обществъ. Отъ нѣкоторыхъ изъ этихъ обществъ для культурной исторіи края остался только „уставъ“, или „положеніе“, а почти всѣ эти общества имѣютъ во главѣ разныхъ начальствующихъ лицъ до Генералъ-Губернатора включительно.

Яфимовичъ, графъ Ростовцевъ, Гродековъ, Корольковъ, Сахаровъ, Маціевскій и Кондратовичъ. Нѣкоторые изъ нихъ состояли во главѣ управленія по нѣсколько мѣсяцевъ, даже по году. Конечно, трудно предположить, чтобы такой длинный рядъ начальниковъ, различныхъ по возрасту, образованію и личнымъ взглядамъ, могъ оставить на дѣлахъ управленія краемъ печать полнаго единства и совершенной солидарности во взглядахъ не только на настоящее, но также на прошлое и будущее края. Данныя для отвѣта на этотъ безобидный, но серьезный вопросъ, я убѣжденъ, можно найти въ любой канцеляріи каждаго главнаго управленія, не исключая и учебнаго вѣдомства. При этомъ я особенно подчеркнулъ-бы такъ называемый «переселенческій вопросъ», который то отрицали, то признавали, то видоизмѣняли точку зрѣнія на этотъ злободневный и крайне жизненный вопросъ.

Не мало смѣнилось за истекшій 43-лѣтній періодъ и духовныхъ руководителей православнаго населенія въ завоеванномъ иновѣрческомъ краѣ, то есть православныхъ епископовъ. Туркестанскою епархіей управляли преосвященные: Софонія, Александръ, Неофитъ, Григорій, Никонъ, Аркадій, Паисій и Димитрій. Всѣ они довольно рѣзко отличались одинъ отъ другого личнымъ характеромъ и дѣятельностью. При одномъ изъ нихъ (пр. Паисій) было поставлено во священники много лицъ безъ достаточнаго образованія, а всѣ прочіе епископы, живя въ Вѣрномъ, съ трудомъ могли руководить своею немногочисленною паствою, разбросанною на такомъ огромномъ пространствѣ, какъ Лепсинскъ—Пржевальскъ—Красноводскъ—Ошъ—Казалинскъ и Петро-Александровскъ. Современный нашъ епископъ долженъ напрягать свои силы и энергію на упорядоченіе приходскихъ дѣлъ; при немъ слышится живое слово учительства; ему подражаютъ нѣкоторые приходскіе священники. Къ сожалѣнію, мы далеки отъ евангельскаго идеала духовной жизни; свѣтъ нашъ слабо свѣтится предъ иновѣрными, а въ иныхъ мѣстахъ тускнѣетъ: въ послѣднее время среди православныхъ въ сельскихъ приходахъ и въ самомъ Ташкентѣ обнаружи ваются разные сектанты (молокане, баптисты, штундисты, іудействующіе и просто «невѣры»). Эти сектанты оказываютъ губительное вліяніе на другихъ; вмѣстѣ съ тѣмъ было нѣсколько случаевъ перехода православныхъ въ мусульманство... Согласитесь, что тяжело, прискорбно сознавать это и еще больше слышать отъ православныхъ же крайне легкомысленныя разсужденія по этому поводу. Но повѣрьте, господа русскіе туркестанцы, что съ народной вѣрой среди сплошного мусульманскаго населенія шутить нельзя; вѣра народа болѣе всего характеризуетъ его душу, а всемірная исторія показываетъ, къ какимъ послѣдствіямъ приводитъ безвѣріе народныхъ массъ—къ ихъ нравственной и политической гибели. ....

Говоря о вліяніи русскаго суда на мѣстное русское и мусульманское общество, необходимо имѣть въ виду, что въ началѣ русскаго управленія краемъ судебныя функціи властей сосредоточивались въ областномъ правленіи и въ канцеляріи Генералъ-Губернатора и что этотъ судъ былъ до-реформенный, чисто канцелярскій. Вліяніе его на мѣстныхъ жителей особенно ни въ чемъ не выражалось, кромѣ поддержанія сознанія въ населеніи основного принципа—преступность наказуется. Новый судъ, хотя и безъ суда присяжныхъ, представляетъ уже значительную градацію, и вліяніе его, несомнѣнно, сказывается не только на русскомъ, но и на мусульманскомъ населеніи. Слѣдуетъ только пожалѣть, что функціи его не распространяются на всѣ случаи туземной жизни даже и при наличности желанія туземца воспользоваться русскимъ судомъ. При этомъ нельзя обойти молчаніемъ и того, что своимъ корпоративнымъ единствомъ и легальною независимостью судебное вѣдомство въ лицѣ своихъ представителей высоко держитъ знамя юстиціи, чѣмъ, безъ сомнѣнія, производитъ благотворное вліяніе на жизнь мѣстнаго общества. Вліяніе этого суда на умствен-

ный круговоръ туземцевъ проявилось, между прочимъ, и въ томъ, что они названію должности прокурора дали свое наивно-искусственное толкованіе, указывающее на авторитетъ лица, занимающаго эту должность (прокуроръ-«бир кураръ*)»).

Съ другой стороны, нельзя умолчать и о томъ, что туземцы вмѣстѣ съ хорошими сторонами русскаго суда поняли также выгоды отрицательныхъ сторонъ адвокатуры и беззастѣнчиво пользуются ими. Ложныя показанія на судѣ практикуются туземцами въ широкой степени, и на это есть особая причина—взглядъ туземцевъ на русскій судъ, какъ на судъ кафировъ**). Наконецъ, что особенно замѣчательно, туземцы-торговцы въ совершенствѣ освоились съ вексельнымъ уставомъ, и худшіе изъ нихъ выступали на скамьѣ подсудимыхъ не только за ложные иски, но и за подложныя подписи и надписи на вексельныхъ бланкахъ.

Что касается русской школы и того значенія, какое она занимала въ мѣстной жизни за истекшій періодъ, то приходится сказать, что особенно первые шаги этого просвѣтительнаго дѣятеля не были на надлежащей высотѣ. При отсутствіи путей сообщенія, отдаленности и неизвѣстности края и разныхъ другихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, трудно было подыскивать для этого святого дѣла лицъ, вполнѣ соотвѣтствовавшихъ высокому призванію, а пріѣзжавшіе добровольно въ край дѣйствительно напоминали «аргонавтовъ», какъ ихъ мѣтко обозвалъ одинъ главный инспекторъ училищъ. Поэтому неудивительно, если въ памяти старыхъ туркестанцевъ сохранились несимпатичныя черты многихъ мѣстныхъ педагоговъ. Конечно, такія лица, не оказывая непосредственнаго вліянія на поколѣніе старшихъ (родителей), не всегда благотворно вліяли и на ввѣренное ихъ заботамъ младшее поколѣніе (учащихся). Не распространяясь на эту печальную тему, я только констатирую несомнѣнный фактъ и выражаю удивленіе, что даже и для такого высокаго дѣла вновь завоеванный край не могъ располагать соотвѣтствующимъ выборомъ. При этомъ я разумѣю русскую школу, находившуюся уже въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, т. е. со времени учрежденія въ краѣ управленія учебными заведеніями. А что-же сказать о тѣхъ случайныхъ педагогахъ, мужчинахъ и женщинахъ,—руководству которыхъ поневолѣ ввѣрялись дѣти первыхъ русскихъ обывателей Ташкента и другихъ городовъ края: дѣти подростали, нужно было ихъ учить, школъ не было; администраторы заботливо шли навстрѣчу этой потребности родителей и давали средства на устройство частныхъ школъ и пансіоновъ. Но педагоги того времени и воспитательницы не просто оставляли желать много лучшаго.....

Въ тѣ-же времена были попытки обучать и дѣтей туземцевъ, и туземцы, особенно киргизы, довѣрчиво отдавали своихъ дѣтей въ открываемыя школы, но ни правильнаго обученія, ни должнаго воспитанія дѣти ихъ тамъ получать не могли, ибо первыми педагогами въ этихъ школахъ являлись: интендантскій писарь, переводчикъ изъ киргизъ, или «малолѣтокъ»—сынъ Семирѣченскаго казака.

Такимъ образомъ, благожелательныя заботы начальствующихъ лицъ, соединенныя съ значительными расходами, и въ этомъ дѣлѣ не достигали своей цѣли; туземцы естественно склонны были смотрѣть на всѣ русскія начинанія, а въ томъ числѣ и на русскую школу, какъ на нѣчто превосходное, ибо и это дѣло исходило изъ рукъ всесильнаго завоевателя; но и въ этомъ случаѣ имъ приходилось разочаровываться.... Отсюда объясняется то недовѣріе туземцевъ къ русской школѣ, какое встрѣтило учебное начальство при открытіи министерской

---

*) „Бир-кураръ", т. е.—одинъ разъ взглянетъ (и дѣло направитъ)

**) Коранъ. Гл. 2, ст. 221. Гл. 5, ст. 91. Гл. 66, ст. 2.

школы даже въ самомъ Ташкентѣ, и съ которымъ продолжаетъ бороться до сихъ поръ.

Попытаемся теперь въ краткихъ словахъ обобщить все пережитое и вывести результатъ нашего вліянія на туземное населеніе, какъ завоевателей, принесшихъ съ собою культуру.

Мнѣ разсказывали туземцы, которымъ въ годъ взятія Ташкента было 10—15 лѣтъ, что въ первые дни по занятіи города они сидѣли дома, при запертыхъ воротахъ и только иногда позволяли себѣ выглянуть съ крыши на улицу и то при полной тишинѣ, показывавшей, что русскаго сарбаза вблизи нѣтъ... Великъ былъ страхъ передъ этимъ сарбазомъ въ бѣлой рубахѣ; велико было и удивленіе, граничившее съ мистическимъ уваженіемъ къ начальнику геройскаго отряда, фамилія котораго (Чернявъ) въ киргизскомъ**) произношеніи (Ширъ-наибъ) означала «товарища льва, льву подобнаго по храбрости и силѣ». Еще болѣе удивлялись туземцы, когда съ прекращеніемъ стрѣльбы въ городѣ, настала внѣшняя тишина и прекратилось безпокойство за жизнь, за вѣру, за домашній кровъ и даже за подати и налоги***). Дальнѣйшія побѣды надъ Бухарой и Кокандомъ еще выше подняли обаяніе русскаго имени въ глазахъ туземцевъ. Русское имя было поставлено въ краѣ честно и грозно. Итакъ, туземцы начали новую жизнь при новыхъ правителяхъ и новыхъ порядкахъ жизни, причемъ иногда хитрили, иногда льстили, а въ общемъ примирились съ опредѣленіемъ судьбы (такдиръ), покаянно вздыхали (тауба), нѣкоторые даже плакали, но всѣ съ покорностью волѣ Божіей переносили свое несчастье... Одни изъ нихъ (престарѣлые) рѣшили ожидать смерть по-старому, по шаріату, а другіе, которымъ предстояло долго жить, старались приладиться къ новымъ порядкамъ и вступили въ подражательный періодъ****).

Довѣріе къ русскимъ на первыхъ порахъ было полное, доходившее до вѣры на слово; многое русское имъ казалось прекраснымъ, даже простая теплота, свѣтъ и чистота въ русскихъ домахъ и правительственныхъ учрежденіяхъ; русскіе парады и празднества вызывали у мѣстныхъ поэтовъ сравненія съ сказочными временами миѳическаго царя Джамшида. Ласковое обращеніе начальствующихъ лицъ и особенно «Ярымъ-падши» такъ обаятельно дѣйствовало на туземцевъ, что располагало простодушныхъ бѣдняковъ стариковъ обращаться къ нему съ жалобою на невѣдомаго «калямуша»...*****) или показывать на свою голую старческую грудь и увѣрять генерала, что проситель не можетъ кормить своего ребенка, такъ какъ его молодая жена поступила въ услуженіе къ русскому турѣ...

Такъ было все ладно и хорошо; русскіе жили, ходили, ѣздили въ полной безопасности; даже спали, не затворяя оконъ и не запирая дверей... Но уже тогда появились и вошли въ употребленіе скверныя слова «пьянъ-базаръ», «слабатъ» и нѣкоторыя другія. Мѣстный кукольный театръ постепенно началъ кое что осмѣивать и вышучивать, а торговцы, особенно казенные подрядчики, учились плутовать и «обходить русскій законъ». Сарты жили скупо и богатѣли, но все еще изъ обычныхъ шаріатныхъ формъ не выходили. Нѣкоторые съѣздили въ Нижній, Москву и Петербургъ и все дивились и богатѣли. Начавъ сѣять американскій хлопокъ, увлекались и нѣкоторые прогорали, а за ними и нѣкоторые русскіе... Сначала сарты восхищались почтовымъ трактомъ, но трактъ не всегда поддерживалъ свою славу. Появилась желѣзная

**) Отрядъ Черняева подошелъ къ Ташкенту отъ Чимкента, а ранѣе былъ подъ Ауліеата, а оба эти уѣзда населены киргизами (и каракиргизами).

***) Извѣстно, что генералъ Черняевъ далъ ташкентцамъ льготную грамату (агдъ-нама), которую они тщательно хранятъ. Это во всякомъ случаѣ очень странная грамата.....

****) См. Н. П. Остроумова „Сарты". Изд. 3 е.

*****) Такъ называется мѣстная крыса, которая у одного бѣдняка сгрызла бумажныя деньги, завернутыя въ сальную тряпку.

дорога; сарты не только дивились, но и не вѣрили своимъ глазамъ... Нѣкоторые приходили къ полотну, ощупывали рельсы и ложились на землю, чтобы убѣдиться въ нивелировкѣ. Удивлялись и благодарили сначала за чирчикскій мостъ и за ходжентскій, а также и за паромы, но еще не вѣрили, чтобы можно было устроить мостъ на Аму-дарьѣ (сначала деревянный, а потомъ каменно-желѣзный).

Наконецъ, увидѣли, повѣрили, сложили высокопарные стихи, въ которыхъ вспомнили древнихъ мудрецовъ и царей и благодарили Бога за то, что имъ стало легче ѣздить въ Мекку и Медину на богомолье. А такъ какъ богатство туземцевъ все росло, то немногіе сначала стали заводить у себя въ домахъ рамы со стеклами и кое какую мебель и боязливо, съ нѣкоторымъ стѣсненіемъ садились въ собственную телѣжку, запряженную по русски. Потомъ въ Ташкентѣ появилась конка, которую скоро смѣнитъ электрическій трамвай. Франты начали надѣвать щегольской бешметъ и сапоги изъ лаковой кожи, убавивъ немного размѣры чалмы. Нѣкоторые дозволяли снимать съ себя портретъ, а нѣкоторые рискнули побывать въ Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ и Вѣнѣ. Одинъ такой бай-смѣльчакъ говорилъ мнѣ: «въ Лондонѣ тумана много, въ Берлинѣ военныхъ много, въ Вѣнѣ чистоты много, а въ Парижѣ*) женскаго веселья много» и прибавилъ: «не печатай, пожалуйста, объ этомъ въ газетѣ, такъ какъ у меня сынъ большой и мнѣ будетъ стыдно передъ нимъ». Конечно, побывавъ въ такихъ большихъ культурныхъ центрахъ, передовые сарты баи не задумывались, болѣе и надъ другими новшествами въ своей жизни: они заводили себѣ хорошіе экипажи, хорошихъ лошадей и даже хорошенькихъ «хозяекъ». Нѣкоторые пускались въ ухаживанья на мѣстѣ, посѣщая циркъ и клубы, гдѣ шиковали на всѣ манеры**). Наконецъ, одинъ изъ таковыхъ шикуновъ сказалъ при русскихъ вслухъ: «я въ клубахъ бываю, съ русскими барынями танцую и угощаю шампанскимъ, съ русскимъ чиновникомъ играю въ карты и—.. долговъ не плачу»... А еще одинъ, только не сартъ, а русскій ташкентецъ (давно то было) сказалъ мнѣ: «сарты начали пить и пусть пьютъ больше; это неизбѣжно!».... Но такъ-ли, вѣрно-ли это, господа туркестанцы?

Другой серьезный піонеръ культуры говорилъ мнѣ: «религія, религія! Что такое религія? Это—узда для невѣжественныхъ народовъ, и каждый имѣетъ свою узду, смотря по-достатку: русскіе имѣютъ узду ременную и изящную, сарты—изъ некрашеной кожи съ мелкими ракушками, а киргизы—мочальную,—и ладно съ нихъ.»

Хорошо-ли такъ думать образованному русскому человѣку?.. Вотъ мы незамѣтно и дожили теперь до того, что сарты и киргизы иногда плюются на улицѣ, ибо имя русское послѣ японской войны и мѣстной революціи пало. Необходимо поднять его и укрѣпить снова въ сознаніи туземцевъ. Иначе, если мы пропустимъ время, то вмѣсто насъ, завоевателей и хозяевъ края, здѣсь будутъ распоряжаться и хозяйничать другіе инородцы, здѣшніе и пришлые. Въ туземную среду начинаютъ уже проводить «свободныя» идеи. Примѣръ Индіи у насъ передъ глазами. Тамъ и образованіе туземцевъ на европейскій ладъ не спасло англичанъ отъ озлобленія и возстанія, а мы, вѣдь, не можемъ похвалиться умѣньемъ управлять болѣе, чѣмъ умѣютъ это дѣлать англичане: они справились съ ирландцами, справились съ бурами, справились съ сипаями, справятся и съ современными индусами. А у насъ пока до этого не дошло,—и слава Богу.....

Въ заключеніе я кратко обобщу извѣстія, напечатанныя въ разное время въ хроникѣ мѣстныхъ газетъ, не исключая и *Туркестанскихъ Вѣдомостей*.

*) Еще одинъ ташкентскій посѣтитель Парижа очень восхищался словомъ „мусью“, которымъ тамъ привѣтствуютъ каждаго покупателя. Характерно, вѣдь!

**) Одинъ, побывавъ въ Питерѣ, даже подрѣзалъ себѣ бороду и тоже не уберегся отъ искушенія шайтана.

Живя на глазахъ у туземцевъ, мы мало стѣснялись ихъ воззрѣніями на жизнь и позволяли себѣ иногда поступки, не только не согласные съ евангельскимъ ученіемъ, но не одобряемые и Корачомъ, не оправдываемые философскою моралью и караемые уголовнымъ закономъ. На глазахъ у туземцевъ и собственныхъ дѣтей мы часто пренебрегаемъ уставами своей церкви, семейными и общественными идеалами и допускаемъ разныя правонарушенія: сколько было за прожитый нами періодъ (1865—1908 г.) случаевъ самоубійствъ, убійствъ, дракъ, побоищъ, хищеній, грабежей, пьянства, сквернословія, картежныхъ проигрышей***) и всякаго студодѣянія среди русскихъ людей (не исключая и духовенства), призванныхъ насаждать среди туземцевъ Туркестанскаго края высшую культуру!

Если все это принять во вниманіе и взвѣсить тщательно на вѣсахъ христіанской, мусульманской и философской морали, то мы приблизимся къ отысканію причинъ бывшаго въ 1892 году ташкентскаго бунта, происшедшаго затѣмъ въ 1898 г. андижанскаго возстанія и, наконецъ, нашей мѣстной революціонной смуты 1905—1907 годовъ. Какой бы политической и соціальной теоріи мы ни придерживались, на глазахъ у туземцевъ, которыми мы правимъ, мы, какъ христіане, должны, по теоріи Ле-Плэ, соблюдать предписанія десяти заповѣдей Господнихъ*); иначе, если мы сами, а за нами наши дѣти и даже прислуга-подростки будемъ думать и вслухъ говорить, что Бога нѣтъ и грѣха никакого не существуетъ, то и отъ насъ истиннаго добра не получится въ завоеванномъ краѣ, и этотъ край можетъ превратиться во второй для насъ Кавказъ**). Поэтому повторимъ съ древнимъ римскимъ сенаторомъ: videant consules! caveant consules!

Н. Остроумовъ.

*) Ле-Плэ [Le Play]—французскій профессоръ металлургіи и оригинальный соціологъ [1806—1882], изучавшій причины процвѣтанія и упадка народовъ, путешествовавшій для этой цѣли по разнымъ странамъ Европы и посѣтившій 8 разъ Россію. [См. брошюру К. П. Побѣдоносцева „Ле-Плэ"].

**) Я позволяю себѣ рекомендовать вниманію любознательныхъ туркестанцевъ прочитать напечатанные въ *Русской Старинѣ* (1907 г.) „Записки В. А. Инсарскаго", по которымъ можно судить, какъ управляли Кавказомъ въ первые годы по занятіи его, а такъ-же статьи въ *Новомъ Времени* подъ заглавіемъ „Кавказъ разваливается". Очевидно, мы пожинаемъ плоды сѣмянъ, посѣянныхъ нами самими. Конечно, нельзя, не должно повторять того-же въ нашемъ Туркестанѣ, чтобы не потерять его, ибо онъ намъ дорогъ, дорогъ не потому, что много далъ государственному казначейству, а потому, что причинилъ большой дефицитъ обще-русской казнѣ: мы не можемъ указать точную цифру стоимости Туркестанскаго края русскому государственному казначейству, но думаемъ, что не ошибемся, если скажемъ, что со времени завоеванія этого края и по настоящій годъ онъ далъ чистаго дефицита не менѣе 200 милліоновъ.

***) См., напр. *Турк. Вѣд.* 1908 г. № 124 (изв. изъ Коканда).

Къ 50-тилѣтію Ташкента.

(15 іюня 1865 г.—15 іюня 1915 г.)

Ташкентскіе сарты подъ русскимъ управленіемъ*).

1.

Для настоящей своей бѣсѣды я избралъ тему о сартахъ, какъ нашихъ согражданахъ, съ которыми мы ежедневно встрѣчаемся въ разныхъ мѣстахъ города и въ разной обстановкѣ:—на улицахъ, на базарахъ, въ лавкахъ, магазинахъ, въ разныхъ правительственныхъ и торговыхъ учрежденіяхъ и рѣже, когда принимаемъ ихъ у себя, или когда бываемъ у нихъ. Можетъ показаться, что такая общедоступная тема не заслуживаетъ особаго вниманія, но это не такъ: едва-ли можно оспаривать серьезное значеніе избранной мною темы, потому что мы часто судимъ о сартахъ только по ихъ внѣшнему виду—по ихъ одеждѣ и головному убору и рѣдко задумываемся надъ ихъ ду-

---

*) Читано въ Туркестанскомъ отдѣлѣ Географическаго общества въ пользу семействъ убитыхъ воинамъ русской арміи.

шевнымъ обликомъ,—надъ ихъ мыслями, чувствованіями и стремленіями. А въ этой области намъ и теперь еще многое невѣдомо, несмотря на то, что мы живемъ съ ними бокъ-о-бокъ уже 50 лѣтъ и входимъ въ ежедневныя соприкосновенія съ ними. При этомъ мы не должны забывать, что на насъ лежитъ высокая обще-человѣческая и русско-государственная задача содѣйствовать умственному и нравственному прогрессу туземцевъ улучшенію ихъ матеріальнаго и духовнаго быта и постепенно сроднять ихъ съ нами и съ общимъ нашимъ отечествомъ—Россіей.

Изъ этого Вы, Милостивые Государи и Государыни, можете понять что говорить о сартахъ съ указанныхъ точекъ зрѣнія—задача для меня совсѣмъ не легкая, и я не надѣюсь использовать предоставленное мнѣ время съ такимъ успѣхомъ и интересомъ для Васъ, какъ бы я желалъ. Причинами тому служатъ: обширность темы мо его сообщенія, недостаточность времени для ея полнаго раскрытія передъ Вами и не вполнѣ свободная программа для настоящей публичной бесѣды въ данномъ мѣстѣ.

Поэтому я вынужденъ быть кратокъ и совсѣмъ не касаться нѣкоторыхъ сторонъ жизни и быта сартовъ. Но я буду считать себя удовлетвореннымъ, если вызову у

Васъ интересъ къ затрогиваемымъ мною вопросамъ, надъ которыми Вы, можетъ быть, сами серьезно задумаетесь, въ виду истекающаго 50-тилѣтія нашей совмѣстной жизни съ сартами, съ которыми мы и впредь призваны жить одною государственною жизнью. Я рѣшаюсь въ данную минуту убѣжденно высказать предъ Вами, что избранная мною тема содержитъ въ себѣ жизненный смыслъ, такъ какъ она касается существеннаго переживанія сартами перехода отъ старыхъ бытовыхъ и общественныхъ формъ жизни къ новымъ, по законамъ исторической эволюціи. При этомъ нужно имѣть въ виду, что у европейскихъ народовъ многое безвозвратно отошло въ область недоступнаго для личнаго наблюденія и изслѣдованія, а въ жизни сартовъ многое старое еще продолжаетъ жить и происходитъ у насъ на глазахъ. При такомъ условіи было-бы непростительно съ нашей стороны не удѣлить немного вниманія этому глубоко интересному и не повторяющемуся въ исторической жизни народа періоду. О чемъ съ ученой кафедры наши профессора исторіи трактуютъ только по письменнымъ памятникамъ и по своимъ личнымъ догадкамъ и предположеніямъ, о томъ мы могли бы говорить, какъ очевидцы, и ссылаться на конкретные факты, совершаю-

щіеся у насъ на глазахъ. Я между прочимъ имѣю въ виду средневѣковое представленіе о городѣ и ремесленныхъ цехахъ, въ примѣненіи къ нашему городу къ и сартамъ, и сожалѣю, что до сихъ поръ мало обращено вниманія на этотъ вопросъ. Между тѣмъ сарты, по самому значенію этого спеціальнаго для нихъ названія, по преимуществу торговцы-горожане. Давно слѣдовало бы подвергнуть этотъ интересный даже для нашего городского управленія вопросъ спеціальному наслѣдованію. Въ самомъ дѣлѣ, что такое городъ съ точки арѣнія средне-азіатскаго туземца? Имѣетъ ли здѣшній городъ что-нибудь общее съ средневѣковымъ городомъ Европы и чѣмъ отличаются принципы городской торговли и промышленности въ Средней Азіи отъ таковыхъ-же принциповъ въ средневѣковой Европѣ? Разницы, несомнѣнно, должна быть, потому что Западная Европа и Средняя Азія—страны не одинаковыя во многихъ отношеніяхъ, но и сходство должно быть, потому что понятія о торговлѣ и промышленности, а равно цеховое устройство быта ремесленниковъ по существу должны быть сходны безотносительно къ странѣ и ея обывателямъ въ расовомъ отношеніи. Съ этой точки арѣнія отличительныя особенности средневѣковаго города

Европы отъ средне-азіатскаго города до русскаго завоеванія должны придать только особый колоритъ и особый интересъ самому вопросу. Но въ спеціальную программу моего настоящаго сообщенія поставленные вопросы не входятъ, и я ограничусь только краткимъ замѣчаніемъ о европейскомъ городѣ и цехахъ. „Городъ представлялъ изъ себя въ средніе вѣка замкнутую хозяйственную организацію. Каждый городъ регламентировалъ свои внутреннія экономическія отношенія по своимъ собственнымъ законамъ; у каждаго города были свои мѣры и свои вѣсовыя единицы; городъ ревниво слѣдилъ за тѣмъ, чтобы къ источникамъ его дохода не пріобщался какой-нибудь другой городъ, или какое-нибудь изъ окружающихъ селъ, или даже какая-нибудь крупная политическая организація. Онъ изо всѣхъ силъ старался расширить эти источники. Всякій не-горожанинъ былъ для города человѣкомъ завѣдомо подозрительнымъ, у котораго въ мысляхъ непремѣнно должно было быть что-нибудь злокозненное; отъ него поэтому надо было держаться подальше и воли ему не давать. Своихъ собственныхъ горожанъ городъ тоже не всегда распускалъ такъ, чтобы предоставить имъ полную свободу дѣйствій. И ихъ сдерживали мно-

гочисленныя, часто крайне мелочныя правила". *)

Приведенная характеристика средневѣковаго города Европы во многихъ чертахъ можетъ быть применена къ средневзіатскому городу вообще и къ Ташкенту въ частности,—до каза ранса **) и воротъ городскихъ, которыя запирались съ наступленіемъ сумерекъ. Развѣ не было бы интересно продолжить намѣченную параллель?... Но я не могу выходить такъ далеко за рамки своей программы и всетаки увѣренно скажу, что можно найти сходство между средневѣковымъ городомъ Европы и городомъ Средней Азіи, хотя и не во всѣхъ отношеніяхъ, особенно же—въ отношеніи существеннаго отличія Римскаго права и шаріата.

Въ отношеніи средневѣковыхъ цеховъ ремесленниковъ я отмѣчу, что цехи въ исторіи европейскихъ городовъ имѣли не промышленное только, но и политическое значеніе. Цехи возникли въ Европѣ въ концѣ XI-го и началѣ XII вѣковъ въ 1061 году сталъ извѣстенъ первый случай возникновенія город-

---

*) А. К. Дживелеговъ. Средневѣковые города въ Западной Европѣ. СПБ. 1902 г. стр. 156.

**) Казы-ранса — особое должностное лицо при ханскомъ управленіи, наблюдавшее за строгимъ исполненіемъ жителей-мусульманъ правилъ шаріата.

ской ремеслевной корпораціи, именно—цехъ свѣчниковъ въ Парижѣ. Въ Германіи въ 1106 году появился цехъ рыболововъ въ Вормсѣ; въ Вюрцбургѣ, въ 1128 году организовался особый цехъ сапожниковъ; въ Кельнѣ въ 1149 году появился цехъ ткачей постельнаго тика; въ 1152 году въ Магдебургѣ сталъ извѣстенъ цехъ сапожниковъ; въ Гагенау въ 1164 году стали извѣстны токари. Съ конца XII вѣка въ Западной Европѣ число разныхъ цеховъ быстро увеличивалось, очевидно, съ расширеніемъ потребностей тогдашнихъ горожанъ. Въ городахъ Средней Азіи до настоящаго времени извѣстны нѣсколько десятковъ (кажется 72) различныхъ ремесленныхъ цеховъ, въ числѣ которыхъ встрѣчаются: хлѣбники, мясники, маслобойцы, мѣдники, ткачи, кузнецы, гончары, ювелиры, цирульники, портные, сапожники, плотники, штукатуры, токари, мастера сѣдель и даже самоварщики, т. е. торговцы кипяченой водой въ чай-ханахъ.

Развѣ не важно и для экономической науки изучить всѣ эти цехи, которые, однако, мало кого интересовали и мало кому извѣстны. Когда появились цехи въ Средней Азіи, неизвѣстно; но есть мнѣніе, что они проникли сюда изъ Египта чрезъ Персію, что подтверждается языкомъ многихъ ремеслей, маленьк-

кихъ нравоучительныхъ книжечекъ, имѣющихся у каждаго цеха, а въ нѣкоторыхъ рисаляхъ и содержаніемъ ихъ.

Значеніе цеховъ въ средневѣковомъ европейскомъ городѣ не ограничивалось промысловой областью, но иногда, въ случаѣ нападенія непріятеля, каждый цехъ превращался въ военный отрядъ, готовый сражаться въ рядахъ городского ополченія. Отряды ремесленниковъ оказывали тогда очень большія услуги не только горожанамъ, но и королевской власти. Кромѣ того, чѣмъ обращаетъ на себя особенное вниманіе средневѣковый европейскій цехъ, онъ почти всегда представлялъ собою особое братство, преслѣдовавшее религіозно-нравственныя цѣли. У каждаго цеха былъ свой особый патронъ, выбранный изъ лика святыхъ, и часто даже свой алтарь въ какой - нибудь церкви. Цехъ занимался и благотворительностью: изъ корпораціонной кассы выдавались пособія обѣднѣвшему или больному товарищу; въ случаѣ смерти одного изъ членовъ, корпорація собиралась, чтобы отдать ему послѣдній долгъ. Братская любовь къ товарищамъ вмѣнялась въ обязанность каждому цеховому; для поддержанія ея отъ времени до времени устраивались пирушки, гдѣ за кружкой пива ма-

стера встрѣчались другъ съ другомъ и коротали досугъ въ пріятельской бесѣдѣ. При этомъ цехъ слѣдилъ за тѣмъ, чтобы его члены вели нравственный образъ жизни. Вся эта нехозяйственная дѣятельность цеховъ имѣла большее значеніе въ ихъ жизни. По средневѣковымъ понятіямъ товарищеская связь только тогда могла считаться полной, когда она держалась не на однихъ матеріальныхъ интересахъ. Но, конечно, главнымъ въ цехахъ остается ихъ промышленный характеръ. Когда жизнь представляла цѣлый рядъ хозяйственныхъ вопросовъ, въ ней нечего было дѣлать частому братству: въ своей основѣ цехъ былъ корпораціей свободныхъ ремесленниковъ, занимающихся однимъ и тѣмъ же ремесломъ.*)

Приведенная характеристика средневѣковыхъ цеховъ Европы очень близко подходитъ и къ среднеазіатскимъ цехамъ, особенно же своею религіозно-нравственною стороною. Цехи ремесленниковъ въ Средней Азіи непремѣнно находились подъ духовнымъ покровительствомъ библейскаго святого—Адама, Сиса, Ноя, Авраама, Давида, Соломона и др., и члены цеховъ призываютъ своего патрона (пира) во время самой работы: „Я,

---

*). А. К. Джаволеговъ стр. 169—170.

Пиримъ!“ т. е. „О, мой патронъ!“ Особенно это призываніе возглашается при дружномъ усиленномъ напряженіи мышцъ, напримѣръ, при поднятіи балокъ на стѣны строящагося зданія и т. д.

Каждый цехъ имѣетъ свою особую рисалю, небольшую рукописную тетрадку (16 д. листа), заключающую въ себѣ краткую исторію возникновенія ремесла и совѣты читать или слушать эту рисалю и религіозные возгласы, сопровождающіе то или другое движеніе въ работѣ. Все это такъ своеобразно—оригинально, что я рѣшаюсь прочитать вамъ нѣсколько выдержекъ изъ одной или двухъ рисалей.

„Во имя Бога Милостиваго, Милосерднаго. Хвала Богу, Господу міровъ. Благословеніе и миръ посланнику Мохаммеду, его семейству и всѣмъ его сподвижникамъ!

„Слушайте, правовѣрные, дервиши, мусульмане, мастера и ремесленники. Всѣ мы переселимся изъ этого (временнаго) міра и потому готовьтесь къ будущей жизни, размышляя о воскресеніи мертвыхъ. По словамъ имама Джи‘фара Правдиваго*), Богъ Всевышній ниспославъ разныя ремесла своимъ рабамъ, чтобы они пріобрѣ-

---

*) Умеръ въ 148 году Хиджры т. е. въ 765 году по Рож. Христ.

тали разрѣшенную пищу для своихъ семействъ. По повелѣнію Божію, Имамъ Джа'феръ составилъ рисали (сказанія) для всѣхъ мастеровъ, чтобы они преуспѣвали въ мастерствахъ и добывали пропитаніе себѣ. Они, съ одобренія пира (главнаго мастера), должны принимать учениковъ, разрѣшать имъ обучать другихъ, должны читать славословія въ честь своихъ патроновъ и хранить свои рисали.

Изъ всѣхъ ремеслъ самое превосходное—ремесло цирульниковъ ведущее свое начало отъ Адама, Ноя, Авраама и Мохаммеда. Ремесло цирульниковъ самое первое по своему появленію и имѣетъ всѣ свойства религіознаго обязательства и спасительности. Въ этомъ ремеслѣ существуетъ 12-ть обязательныхъ постановленій:—совершать омовеніе и участвовать въ молитвѣ съ обществомъ участвовать въ бесѣдахъ съ ищущими знанія; содержать въ чистотѣ свою лавку и инструменты; быть вѣжливымъ съ посѣтителями, зажигать по средамъ или пятницамъ свѣтильники въ честь своихъ патроновъ; не смотрѣть дурнымъ глазомъ на брѣющихся; жертвовать половину дневной выручки на милостыню; быть довольнымъ и тѣми людьми, которые мало заплатили

за бритье; быть терпѣливыми справедливыми и милосердными.

Цеху цирульниковъ воспрещается: сидѣть въ лавкѣ безъ омовенія, совершать намазы въ одиночествѣ, пить вино и курить табакъ, развратничать*) и нарушать договоры; сквернословить съ приходящими въ лавку его.

Мастеровъ, не исполняющихъ этихъ предписаній, должно преслѣдовать и прогонять изъ города: во время всеобщаго воскресенія мертвыхъ они будутъ поставлены предъ пророкомъ, мастерами и небесными патронами и не будутъ въ состояніи поднять головы свои подъ знаменемъ Мохаммеда.

Въ рисалѣ сообщаются молитвенныя слова, которыя цирульникъ долженъ произносить: когда беретъ въ руки оселокъ и бритву, когда начинаетъ сбривать волосы, когда подстригаетъ усы, или когда совершаетъ обрѣзаніе ребенка.

Въ заключеніе въ рисалѣ говорится: „каждый мастеръ, который не будетъ выполнять предписанія рисали, будетъ посрамленъ предъ своими патронами,**) а въ день воскресенія лишится покровительства Мохаммеда. Наоборотъ, если ци-

---

*) Въ этомъ случаѣ разумѣется не только блудъ и прелюбодѣйство, но и сожительство съ мальчиками и юношами (педерастія).

**) Адамъ, Ной, Авраамъ и Мохоммедъ

рульникъ будетъ выполнять предписанія рисали, на его работу всѣ патроны ниспошлютъ благословеніе, и его жизнь—въ задъшнемъ мірѣ и въ будущемъ—будетъ счастливой и блаженной*).

Въ рисалѣ о земледѣліи говорится, что отъ начала міра до конца его будетъ 1700 великихъ земледѣльцевъ. Изъ нихъ выдающимися считаются 18 человѣкъ (Отъ Адама до Мохаммеда 313 пророковъ занимлись земледѣліемъ, а патроновъ земледѣлія было четыре: Абдуръ Рахманъ, Абдуль Каххаръ Абдулъ Джаббарь и Абдуль Азизъ.**)

Самое происхожденіе земледѣлія описывается такъ: Быкъ для первой пахоты былъ выведенъ ангеломъ Гавріиломъ изъ рая вмѣстѣ съ земледѣльческими орудіями, которыя были переданы Адаму. Послѣ этого Гавріилъ показалъ Адаму и способъ пахоты.

Съ этой цѣлью онъ прогналъ быка, по первой бороздѣ, но затѣмъ быкъ по внушенію діавола не шелъ въ плугу. Діяволь внушалъ ему: „для чего ты будешь исполнять приказанія Адама? Такъ до конца міра ты не избавишься отъ мучительнаго труда...—И быкъ зву-

*) См. собраніе рисалей и переводъ М. Гаврилова (Ташкентъ 1912).

**) Это тѣ же—Адамъ, Ной, Авраамъ и Мохаммедъ, подъ другими названіями.

прямился. Тогда явился ангелъ Гавріилъ и сказалъ быку: „Къ чему ты споришь со святымъ Адамомъ?!“ Быкъ отвѣтилъ: „Я не пойду въ плугѣ, потому что, если я пойду, то до воскресенія мертвыхъ дѣти не избавятся отъ ярма“. Тогда ангелъ Гавріилъ по повелѣнію Божію вынесъ изъ рая прутъ—хлыстъ и вручилъ его Адаму. Адамъ со словами: „Во имя Бога“ ударилъ быка хлыстомъ, и быкъ потянулъ плугъ.

Адамъ посѣялъ пшеницу, потомъ, когда она поспѣла, сжалъ ее и собралъ на гумнѣ, складывая солому на одну сторону, а пшеницы—на другую. Тогда же Адамъ спросилъ быка: „ты что выбираешь себѣ солому, или пшеницу“. Быкъ посмотрѣлъ и увидѣлъ что куча соломы больше кучи зерна, и выбралъ себѣ солому, а Адамъ произнесъ молитву и собралъ себѣ пшеницу.

Тогда снова явился діаволъ и сталъ искушать быка, говоря ему: „Зачѣмъ ты покорился приказанію Адама и почему выбралъ для себя не пшеницу, а соломy?.. Тотчасъ Богъ повелѣлъ Гавріилу; „иди и наложи печать на языкъ быка“. Гавріилъ исполнилъ повелѣніе Божіе, и быкъ сталъ безмолвнымъ...

Далѣе въ рисалѣ разсказывается что ярмо и плугъ были сдѣланы

изъ райскаго дерева „Туба“, а хлыстъ изъ гребешка.

Для земледѣльцевъ обязательны семь правилъ: быть чистымъ,*) быть правдивымъ, быть щедрымъ, произносить хвалу Богу,**) имѣть соотношенія съ могущественными людьми, произносить тасбихъ и тахлиль***) и быть правднымъ предъ Праведнымъ Богомъ. Земледѣлецъ также долженъ произносить установленные стихи корана и молитвенные возгласы при каждомъ отдѣльномъ дѣйствіи пахоты, начиная съ надѣванія на быка ярма на быка и кочая посадкой тыквъ и просѣваніемъ муки.

Земледѣльцы должны знать, что дѣти Адама, занимаясь земледѣліемъ, посѣяли пшеницу и, когда было готово гумно, отецъ ихъ вышелъ въ поле, чтобы взвѣсить урожай и спредѣлить десятину съ урожая. Но дѣти Адама, когда увидѣли отца, рѣшили не давать ему десятины и доли Божьей и, закрывъ гумно мелкою соломою, сказали: „наше гумно еще не готово“. Адамъ былъ приведенъ въ отчаяніе такимъ поступкомъ своихъ дѣтей, и тотчасъ ихъ постигъ Божій гнѣвъ—съ неба спу-

---

*) т. е. совершать религіозныя омовенія.

**) мусульм. молитвословія сопровождаются возглашеніями хвалы Аллаху.

***) Хвала Аллаху.

стился огонь на гумно и сжегъ пшеницу. На мѣстѣ гумна образовалось озеро. Тогда Адамъ возвалъ къ Богу о помиловании дѣтей его. Богъ внялъ молитвѣ Адама, и спаленная пшеница превратилась въ мелкій горохъ (машъ), употребляемые сартами въ пищу.

„Знай“, говорится въ рисалѣ, что если земледѣлецъ не будетъ имѣть при себѣ рисали, или не будетъ читать ее, или не будетъ слушать, когда читаютъ ее другіе, и не будетъ исполнять изложенныя въ рисалѣ предписанія то все, что онъ получитъ отъ земледѣлія, — будетъ незаконнымъ; изъ могилы въ день всеобщаго воскресенья онъ выйдетъ съ рыломъ свиньи, и лицо его будетъ черными; пророкъ, сподвижника пророка, ангелы и святые не окажутъ ему покровительства. Наоборотъ, тотъ земледѣлецъ, который будетъ исполнять всѣ предписанія рисали, будетъ носить ее съ собой, будетъ читать ее или слушать и т. д., то надъ посѣвомъ его будетъ Божіе благословеніе. Земледѣлецъ, выдѣляющій изъ урожая десятину и хакулла *), будетъ предъ Богомъ равенъ мученикамъ за вѣру. Исполняющему это требованіе будетъ награда отъ Бога, равная награ-

*) т. е. долю Божію

дѣ за построеніе тысячи мед-
расъ (высшихъ школъ), или ты-
сячи мечетей, или тысячи
халатовъ, раздаваемыхъ нагимъ. А
кто усумнится въ этомъ, да будетъ
тотъ невѣрнымъ (кяфиръ) и пусть
отъ него будетъ разведена жена
его. *) Земледѣлецъ, который не
будетъ исполнять предписаній ри-
сали, будетъ посрамленъ въ этомъ
мірѣ и въ будущемъ **).

———

Историческія свѣдѣнія о сартахъ не многочисленны и не подробны рѣка Яксартъ, теперешняя Сыръ-Дарья, и устье Аму-Дарьи были извѣстны древнимъ грекамъ, а рѣка Таласъ (при теперешнемъ городѣ Ауліе Ата)—китайцамъ и арабамъ. У древнихъ греческихъ писателей Аму-Дарья и Сыръ Дарья были извѣстны подъ именемъ Оксусъ и Яксартъ. Въ арабскій періодъ (съ VIII в. по Р. Х.) рѣка Сыръ-Дарья становится извѣстною подъ именемъ р. Шашъ. Тогда же получило названіе Хорезмское царство и Хорезмское море т. е. Аральское море. Отъ того же времени сохранились въ Сырт-Дарьинской об-

———

*) Говорятъ, что пшеница перваго урожая была крупная, съ яйцо, но за то, что первые земледѣльцы не дали десятины и доля Бога, зерно пшеницы уменьшилось до настоящей величины.

**) См. Рисали, изд. М. Гавриловымъ (Ташкентъ 1912).

ласти развалины городовъ: Джанкентъ, Фарабъ, Барчинлыгъ-кентъ, Саганакъ (Сунакъ), Ашнасъ, Чардара, Акъ-Курганъ, Баиакентъ, Сайрамъ, Испиджабъ, Шашъ (теперь Ташкентъ), Сауранъ, Отраръ, Яссы (теперь Туркестанъ), Таразъ (теперь Аулiэ ата), Мерке и др.

Начиная съ XVI и особенно съ XVII вѣка, Сыръ-Дарьинская область становится болѣе извѣстною преимущественно въ сѣверныхъ своихъ границахъ, по причинѣ непрерывавшихся сношенiй Россiи съ Хивой и Бухарой. *) Во второй половинѣ XIX го вѣка теперешняя Сыръ-Дарьинская область была завоевана русскими войсками, и съ того времени сарты, какъ главная народность области, были обслѣдованы въ этнографическомъ и др. отношенiяхъ.

Отъ начала русскаго завоеванiя Сырь-Дарьинской области въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтiя по настоящее время въ сартовскомъ населенiи смѣнились четыре поколѣнiя: 1) дѣды и отцы — современники русскаго завоеванiя, 2) взрослыя дѣти того поколѣнiя, достигшiе въ первый перiодъ русскаго управленiя краемъ арѣлаго и даже старческаго возраста, 3) внука пер-

---

*) См. С. Жуковскiй. „Сношенiя Россiи съ Бухарой и Хивой за послѣднее трехсотлѣтiе“ (Петроградъ, 1915).

ваго поколѣнія, находящіеся въ настоящее время въ возрастѣ отъ 25 до 30 лѣтъ, 4) правнуки перваго поколѣнія, имѣющіе въ настоящее время 10—20 лѣтъ. Всѣ эти четыре поколѣнія сартовъ сильно разнятся между собою не только по возрасту, но и по своему отношенію къ новой для нихъ жизни, подъ русскимъ управленіемъ. Какъ можно думать, сарты произошли отъ смѣшенія арійцевъ съ туранцами еще въ древнія времена и составляютъ по численности довольно многочисленную группу, населяющую города и многія селенія нашей и др. областей края, и могутъ служить типомъ осѣдлаго населенія области, въ отличіе отъ кочевниковъ — киргизовъ, которыхъ они превосходятъ въ культурномъ отношеніи.

Названіе „сартъ" вызывало у первыхъ изслѣдователей края спорныя и странныя мнѣнія,*) а въ послѣднее время нѣкоторые тузем-цы высказывали свое недовольство этимъ безобиднымъ по значенію названіемъ. Но на этомъ я останавливаться не считаю умѣстнымъ.

По предположенію лингвистовъ, слово „сартъ" можетъ быть объяснено изъ санскритскаго корня въ значенія „купца—торговца".

---

*] Смотр. въ моей книгѣ „Сарты" третіе изданіе. Ташкентъ, 1908.

Какъ названіе отдѣльной народной группы, названіе „сартъ“ встрѣчается у древне-греческихъ писателей, въ формѣ „яксарты“, а въ своей настоящей формѣ у средневѣковыхъ какъ европейскихъ, такъ и азіатскихъ писателей: Плано-Карпини, Рашидеддина, Бабура, Миръ-Алишира, Абдулъ-Гази и Мухаммедъ Салиха и др.; въ позднѣйшее время названіе „сартъ“ писалось въ ярлыкахъ кокандскихъ хановъ и въ русскихъ историческихъ памятникахъ и описаніяхъ путешествій въ Среднюю Азію въ 17, 18 и 19 столѣтіяхъ. И никого это названіе до послѣднихъ годовъ не смущало. Теперь—другія претензіи!

На основаніи такихъ неоспоримыхъ историческихъ данныхъ, сартовъ не должно смѣшивать ни съ узбеками, ни съ таджиками, какъ это нѣкоторые дѣлаютъ: сарты опредѣленно обозначаются въ сочиненіяхъ названныхъ Средне-Азіатскихъ писателей, рядомъ, съ другими народностями и въ отличіе отъ послѣднихъ.

Какъ типъ смѣшанный по происхожденію, сарты не имѣютъ особенно рѣзко выраженныхъ антропометрическихъ признаковъ; тѣмъ не менѣе въ антропологическомъ и бытовомъ отношеніяхъ они отличаются, какъ отъ киргизовъ и узбековъ, такъ и отъ таджиковъ, такъ

что сартовъ слѣдуетъ считать среднимъ типомъ тюрко-иранца.

Антропометрическія измѣренія, произведенныя А. Богдановымъ, Уйфальви и нашимъ докторомъ Шишовымъ, установили слѣдующіе отличительные признаки у сартовъ, именно: средній ростъ 168,75 сант., средній вѣсъ 3 п. 33,4 ф., общее сложеніе плотное, съ хорошо развитой костной и мышечной системами, питаніе среднее съ наклонностями къ тучности (ожиреніе); цвѣтъ кожи смуглый, принимающій во время весеннихъ и лѣтнихъ работъ подъ открытыми лучами солнца, темно коричневый оттѣнокъ.

Поверхность кожи гладкая, но часто встрѣчается у сартовъ волосатость на кожѣ.

Преобладающій цвѣтъ волосъ черный и темнорусый. Рыжеватые волосы у сартовъ встрѣчаются, какъ весьма рѣдкое исключеніе. По строенію, волосы у сартовъ прямые, толстые и жесткіе. Кудрявыхъ и вьющихся волосъ даже въ бородѣ не замѣчается.

Ворода среднихъ, скорѣе малыхъ размѣровъ; длинныя бороды встрѣчаются весьма рѣдко. Вообще же большія и пышныя бороды сартамъ не свойственны.

Примѣчаніе: Волосы на головѣ сарты брѣютъ по четвергамъ, т. е. наканунѣ своего недѣльнаго празд-

нка, а усы подстригаютъ только надъ ртомъ, по шаріату.

По размѣрамъ и формѣ черепа, сарты относятся къ брахицефаламъ. Высота черепа у нихъ довольно значительная и вообще больше, нежели у узбековъ.

Длина лица у сартовъ меньшихъ пропорцій, чѣмъ у таджиковъ, а по отношенію къ росту больше, чѣмъ у послѣднихъ. Лобная часть у сарта вообще развита, у многихъ даже замѣтно выступаютъ лобные бугры.

Глаза средней величины и сидятъ въ глазницахъ не глубоко; отступленія не часты. У большинства наружный уголъ глазной щели приподнятъ вверхъ. Преобладающій цвѣтъ глазъ у сартовъ темно-коричневый (Кой—Куз). Межглазничное пространство небольшое, менѣе чѣмъ у таджиковъ. Рѣсницы длинныя, прямыя, и густыя, черныя или темнорусыя. Брови широкія и густыя, иногда дугообразныя, а иногда сросшіяся. Цвѣтъ волосъ на бровяхъ тоже черный или темнорусый. Встрѣчаются брови съ приподнятыми наружными концами и нависшія брови.

Ширина скулъ довольно значительная, но у многихъ незамѣтна вслѣдствіе ширины нижней челюсти.

Длина носа средняя, а форма

его разнообразия. Преобладаетъ широкій, мясистый и прямой носъ. Рѣдко встрѣчаются болѣе тонкіе, носы съ выгнутою спинкой. Губы среднихъ размѣровъ и прямыя. Нижняя губа часто мясистая. Ротъ тоже средній.

Зубы прямые, ровные и средніе по размѣрамъ; замыканіе зубовъ верхнее. У стариковъ зубы желтѣютъ. Каріозные зубы встрѣчаются рѣдко.

Уши болѣе среднихъ размѣровъ и всегда оттопырены отъ надавливанія чалмы. Ушная мочка средней величины и иногда отсутствуетъ; завитокъ ушей развитъ нормально.

Нижняя челюсть обыкновенно широкая и скрадываетъ скулистость.

Довольно часто встрѣчается у сартовъ ассиметрія обѣихъ половинъ черепа и еще чаще сплюснутость затылка. Послѣднее объясняется долгимъ держаніемъ новорожденнаго въ люлькѣ на спинѣ и затылкѣ. Общій размѣръ черепа небольшой, по формѣ сдавленный и поднятый вверхъ. Шея среднихъ размѣровъ. Плечи широкія и высокія. Грудь широкая. Туловище длинное, окружность живота умѣренная, таз суженный съ выдающимся вертелями. Окружность груди превышаетъ половину роста. Верхнія конечности (руки) корот-

кія. Размахъ рукъ средней величины.

Предплечія длиннѣе среднихъ размѣровъ, кисти рукъ малаго размѣра и узки. Пальцы короткіе и тонкіе, особенно у ходжей.

Нижнія конечности (ноги) длинныя, причемъ длина бедеръ больше длины голени; голени тонкія, икры слабо развиты и высоко подняты. Ступни умѣренныхъ размѣровъ, широкія, въ зависимости отъ обуви; пальцы на ногахъ короткіе. Подъемъ стопы мало выступаетъ. Встрѣчаются нерѣдко плоскія стопы.

Мышечная сила въ среднемъ размѣрѣ 119,4 фунта. Встрѣчаются субъекты выдающейся силы. Это—палваны (силачи), поборающіе спеціалистовъ—борцовъ европейцевъ.

Вообще, по физіологическимъ особенностямъ и по размѣрамъ отдѣльныхъ частей туловища, сарты отступаютъ отъ общаго типа человѣческаго тѣла и приближаются къ монгольскому или тюрко-монгольскому типу, что естественно, какъ слѣдствіе происхожденія сартовъ отъ смѣшенія туранцевъ съ иранцами. Нерѣдко встрѣчаются среди сартовъ типы красивые, но это нужно объяснить выдержанностью отдѣльнаго рода, въ которомъ преобладаетъ арійскій типъ. Сеиды и Ходжи-- аристократы среди сартовъ какъ корейшаты въ

Меккѣ среди другихъ арабскихъ племенъ. Красотой лицъ отличаются почти всѣ дѣти у сартовъ, до наступленія у нихъ половой зрѣлости*).

Сарты говорятъ на древне-тюркскомъ языкѣ, приближающемся къ джагатайскому діалекту. Отъ киргизскаго и татарско турецкаго языка сартовскій говоръ значительно разнится въ фонетическомъ и грамматическомъ отношеніяхъ. При сравнительной чистотѣ, онъ все же не свободенъ отъ примѣси арабскихъ и персидскихъ словъ и оборотовъ, подъ вліяніемъ арабско—персидской письменности. Въ послѣдній (русскій) періодъ, съ 1865 года, сартовскій языкъ принялъ въ себя много словъ русскаго языка, къ сожалѣнію, въ искаженномъ произношеніи. Очень жаль, что грамотные сарты не дорожатъ чистой своего языка, искажаютъ его арабскими и персидскими словами, а въ общемъ коверкаютъ родной языкъ на турецко татарскій ладъ.

Отступая въ антропометрическомъ отношеніи отъ общечеловѣческаго (европейскаго) типа, сарты отличаются отъ европейцевъ и въ духовномъ своемъ обликѣ, Умъ

---

*) Красивыя лица мальчиковъ поддерживаютъ распространенный среди сартовъ порокъ, извѣстный подъ именемъ (бачабазлыкъ).

сарта, какъ торговца и земледѣльца, не глубокъ и односторонне направленъ въ сторону практической пользы, а умъ ученыхъ—въ сторону религіозной схоластики. Воспитываясь на началахъ ислама и подробныхъ правилахъ шаріата, предусматривающаго каждый шагъ жизни мусульманина, образованные сарты сковываютъ свой умъ, и безъ того не бойкій и не свободный въ разсужденіяхъ о предметахъ, не предусмотрѣнныхъ шаріатомъ. Мусульманская школа (мактабъ и медраса) не способствуютъ развитію свободнаго мышленія у сартовъ. Поэтому всѣ сарты—ученые и не ученые—одинаково отличаются умственною неподвижностью, къ научно—теоретическимъ занятіямъ мало способны и уступаютъ въ въ этомъ свободно мыслящимъ киргизамъ*). Тысячелѣтній гнетъ шаріата и ишановъ, въ соединеніи съ деспотизмомъ правителей, выработали у сартовъ особаго рода умственную наслѣдственность, располагающую ученыхъ сартовъ разсуждать только въ узкихъ рамкахъ схоластическаго богословія и суфіевъ, а не ученыхъ—въ предѣ-

---

*) За истекшее 50-тилѣтіе въ русскихъ гимназіяхъ края сарты не могли окончить полнаго курса, тогда какъ киргизы оканчивали курсъ классической гимназіи; одинъ—даже съ обоими древними языками.

лахъ житейской пользы. Отвѣтъ Багдадскаго кязія, данный изслѣдователю Ниневіи—Лэйарду, осторожно распрашивавшаго ученаго кязія о городѣ, его торговлѣ и историческихъ преданіяхъ, можетъ характеризовать и ученыхъ сектовъ: „О, славный другъ мой, о радость всѣхъ живущихъ! говорилъ кязій. То о чемъ ты меня вопрошешь, въ одно и то же время безполезно и вредно. Хотя всѣ мои дни протекли въ этомъ краѣ, никогда не помышлялъ я о томъ, чтобы пересчитывать обиталища людей, или освѣдомляться о численности ихъ обитателей. Что же касается ниведенія справокъ о томъ, сколько товаровъ одинъ грузитъ на своихъ муловъ, а другой складываетъ на дно своей лодки, то вовсе меня это не касается. Прошлое - же этого города вѣдаетъ единый Аллахъ. Онъ единый можетъ повѣдать, какими заблужденіями питались здѣшнія жители, пока не взсіяло надъ ними торжество ислама. Было бы опаснымъ для насъ и хотѣть познать тѣ заблужденія. О мой другъ, о моя овечка! не пытайся постигнуть того, что до тебя не касается. Ты явился среди насъ, и мы радушно предъ тобой преклонились. Уходя же теперь съ миромъ. Воистину, всѣ тѣ слова, которыя ты предо мною излилъ, для мнѣ не

причинили, ибо одно дѣло говорить, а другое дѣло—слушать. По обычаю мужей твоего племени, ты посѣтилъ столь много странъ, что не можешь ни въ единой найти для себя успокоенія; мы же (да благословенъ будетъ за то Аллахъ) родились здѣсь и вовсе не желаемъ отсюда куда—либо двигаться.

„Послушай, сынъ мой! Вѣрь мнѣ: нѣтъ большей мудрости, чѣмъ та, которая повелѣваетъ чтить Аллаха. Онъ, вѣдь, создалъ міръ... Такъ, приличествуетъ ли намъ пытаться равнять себя съ Нимъ, проникая въ тайны міроздания... Взгляни вонъ на звѣзду, которая такъ вращается вокругъ другой звѣзды; посмотри вонъ на ту другую звѣзду, которая влечетъ за собою цѣлый хвостъ и употребляетъ столько - то лѣтъ, чтобы приходить сюда къ намъ и и столько - то лѣтъ на то, чтобы удаляться отъ насъ... Оставь ихъ, сынъ мой, въ покоѣ. Повѣрь: Тотъ, чья десницы, ихъ образовала, сумѣетъ ими же распоряжаться и руководить. Ты мнѣ, пожалуй, скажешь на это: „О человѣкъ, умолкни, ибо я болѣе свѣдущъ, нежели ты и видѣлъ я много такого, о чемъ ты не вѣдаешь“.—„Если ты, полагаешь, что эти вещи сдѣлали тебя болѣе совершеннымъ, чѣмъ я, будь вдвойнѣ желаннымъ гостемъ; я же благословляю Бога

за то, что не пытаюсь даже постигнуть того, въ чемъ надобности не вижу. Ты ученъ въ тѣхъ вещахъ, которыя меня нисколько не интересуютъ, а что ты видалъ, тѣмъ я пренебрегаю. Болѣе обширное знаніе разныхъ вещей развѣ содѣлываетъ желудокъ твой болѣе вмѣстительнымъ, а твои очи, всюду пытливо скользящія, развѣ помогутъ тебѣ открыть рай? О, мой другъ, если хочешь ты быть воистину счастливымъ, восклицай: „Богъ единый есть Богъ". Не твори зла и тогда не побоишься ты ни людей, ни смерти, ибо рано-ли, поздно-ли, но и твой часъ наступитъ"..

Ученые и неученые сарты также любятъ повторять во всѣхъ случаяхъ, выходящихъ изъ ихъ ежедневнаго кругозора, выраженіе: „Худа хахласа", что равно арабскому „ма-ша-лла", т. е. „какъ Богу угодно" или: „Худа биляды" т. е. „Богъ (лучше) знаетъ", какъ говорится въ Коранѣ.

Въ прежнее время нѣкоторые сарты проявили большія дарованія въ усвоеніи и самостоятельномъ изложеніи богословскихъ и лингвистическихъ знаній. Но такія выдающіяся лица и тогда составляли исключенія, а въ настоящее время среди сартовъ нѣтъ и большихъ знатоковъ языка и шаріата.

Въ житейскихъ дѣлахъ и реме-

слахъ сарты очень сообразительны, переимчивы и искусны*). Особенно въ торговыхъ предпріятіяхъ они являются осторожными, расчетливыми и выдержанно терпѣливыми, хотя также не безъ исключеній. Не гонясь за быстрымъ и большимъ обогащеніемъ, они, при своей умѣренности въ жизни, доходятъ до скупости, постепенно увеличивають свой капиталъ, чему способствуетъ ихъ трезвость и равнодушіе къ европейскому комфорту и дорогой роскоши. Вексельныя правила многіе изъ нихъ изучили на практикѣ до виртоузности, и бываютъ случаи тонкаго злоупотребленія сартовъ въ этой области.

Въ эмоціальной и волевой областяхъ сартамъ прирождены: впечатлительность и тщеславіе. Подъ вліяніемъ шаріата и деспотизма прежнихъ правителей, скромность и послушность сартовъ принимаетъ форму рабской покорности; предъ правителями и богатыми людьми сарты способны доходить до льстивой угодливости; но униженіе предъ высшими уживается у нихъ съ чванливостью въ отношеніи низшихъ. Какъ люди, они добродушны

---

*) Кромѣ замѣчательныхъ рѣзчиковъ, плотниковъ и штукатуровъ, я зналъ очень свѣдущаго и ловкаго служителя при обсерваторіи и теперь знаю одного пом. провизора въ аптекѣ. Есть и частный повѣренный изъ сартовъ.

и довѣрчивы, когда видятъ искреннее къ себѣ отношеніе*), а при малѣйшемъ поводѣ къ подозрительности, сарты становятся скрытными и лицемѣрными. Поэтому полагаться на постоянство ихъ симпатій, особенно къ иновѣрцамъ рискованно. Лишенные въ теченіе тысячелѣтія гражданской свободы и сознанія правъ собственности, сарты стремятся къ наживѣ и готовы переносить униженія изъ-за личныхъ выгодъ и барышей. Для увеличенія послѣднихъ они (конечно не всѣ) склонны прибѣгать ко лжи и обманамъ, свойственнымъ всѣмъ торгашамъ, и въ этомъ отношеніи походятъ на евреевъ: отъ совмѣстной жизни съ евреями сарты усвоили и развили въ себѣ страсть корыстолюбія, и сартовскіе ростовщики, пожалуй, не уступятъ самимъ евреямъ. Высокія альтруистическія чувства сартамъ пока не доступны: евреевъ и армянъ они не любятъ, киргизами пренебрегаютъ, а калмыковъ и китайцевъ презираютъ— послѣднихъ—за жестокость, (напр. въ соврем. Кашгарѣ).

Въ религіозномъ отношеніи сарты отличаются набожностью, но у многихъ изъ нихъ набожность ограничивается внѣшнимъ выполненіемъ

---

*) Но и въ этомъ случаѣ способны скоро зазнаваться.

предписаній религіи, особенно молитвъ. Подъ вліяніемъ внушеній авторитетныхъ ишановъ, религіозное чувство сарта можетъ легко переходить въ нетерпимый фанатизмъ (мѣстныя возстанія).

Рабочій классъ сартовъ отличается трудолюбіемъ, выносливостью и нетребовательностью къ удовлетворенію своихъ потребностей. Подъ вліяніемъ жаркаго климата и фатализма, у сартовъ не развилась личная энергія и стремительность въ дѣятельности: „спѣшить—свойство шейтана“, говоритъ сартовская пословица. Личной храбростью сартъ также не отличается и въ столкновеніяхъ не только съ киргизами, но и съ калмыками уступалъ обоимъ: Ташкентъ бывалъ подъ властью киргизовъ—калмыковъ...

Въ общемъ же сарты представляютъ собою мирныхъ, трудолюбивыхъ, трезвыхъ и покорныхъ гражданъ, если видятъ твердую власть надъ собою; но когда они подпадаютъ подъ вліяніе зловамѣренныхъ людей, или религіозныхъ фанатиковъ, то, на почвѣ религіозной непріязни къ иновѣрцамъ (кафиръ), становятся скрытными, подозрительными и вѣроломными.

Въ жизни каждаго народа, съ которымъ мы знакомимся, всегда на первомъ планѣ стоитъ домашній и общественный бытъ, въ которомъ ярче всего выражаются типическія

особенности народа. И у сартовъ эта сторона жизни самая характерная, такъ какъ на ней болѣе всего сказывается вліяніе мусульманскаго шаріата. Сарты съ давнихъ поръ (8 в. по Р. Х.) исповѣдуютъ мусульманскую вѣру и считаются сознательными мусульманами, имѣютъ своихъ судей и духовныхъ руководителей, многочисленныя низшія и высшія религіозныя школы, владѣютъ мусульманскою письменностью и до русскаго подданства находились подъ наблюденіемъ особыхъ лицъ (казы—раись), олѣдившихъ за внѣшнимъ исполненіемъ населеніемъ разнообразныхъ предписаній шаріета, который регламентируетъ всѣ стороны домашняго обихода и общественныхъ взаимоотношеній членовъ мусульманскаго общества.

Такимъ образомъ въ основѣ мусульманской, по существу религіозной, общины лежитъ другой принципъ, чѣмъ у европейскихъ народовъ. По мнѣнію европейскихъ исламовѣдовъ, въ мусульманскомъ правовомъ институтѣ правильно понимаемомъ и правильно примѣняемомъ къ жизни, опредѣленно выступаютъ три принципа: демократическій (равенство всѣхъ мусульманъ предъ Богомъ и закономъ), деспотическій (подчиненіе всѣхъ членовъ семьи отцу и мужу, а всѣхъ подданныхъ

немѣстнику пророке) и коммунистическій (общественная казна и закятъ). А такъ какъ всѣ узаконенія по гражданской части въ исламѣ основываются на коранѣ, какъ на Законѣ Божественнаго происхожденія, то естественное вмѣшательство представителей религіи во всѣ распоряженія и дѣйствія гражданскихъ властей утвердили въ жизни мусульманъ древне-еврейскій (семитическій) принципъ Теократическаго управленія. У древнихъ римлянъ семейный союзъ не былъ основанъ на понятіи о кровномъ родствѣ, ни на родовомъ началѣ: онъ имѣлъ основаніемъ своимъ единство отца семейства (pater familias) и мужа. Неограниченное право этого лица сосредоточивало въ себѣ всѣ права семейства. У древнихъ германцевъ существовало также положеніе о значеніи главы семейства въ отношеній къ оному, но они дошли до своего принципа вслѣдствіе другихъ семейныхъ и политическихъ отношеній. Въ Римѣ и въ Германіи духъ закона по этимъ отношеніямъ былъ различный.

Въ Римѣ всѣ права дѣтей и другихъ членовъ одного и того же семейства поглощались правомъ отца семейства. Имѣніе, пріобрѣтаемое отдѣльными членами семейства, поступало въ пользу и въ распоряженіе одного отца се-

мейства, а послѣ его смерти распространялось правомъ завѣщанія и т. д. По общему духу римскаго права, въ устройствѣ семейнаго быта римлянъ преобладалъ элементъ государственный: значеніе и права гражданина преобладали надъ значеніемъ и правами человѣка.

Въ Германіи не дѣйствовалъ ограниченный произволъ главы семейства, но глава семейства былъ главнымъ и единственнымъ покровителемъ, защитникомъ, опекуномъ всѣхъ членовъ, къ семейству его принадлежащихъ, и потому ему и принадлежала вся власть надъ ними. Онъ былъ представителемъ правъ всѣхъ членовъ, потому что ограждалъ и охранялъ права всего семейства; право его на имущество имѣло дѣйствіе, единственно доколѣ онъ могъ ограждать общіе интересы всего семейства. Вслѣдствіе сего древнегерманское право не знало и не допускало завѣщательныхъ, на случай смерти, распоряженій. По смерти главы семейства, имѣніе переходило къ тому, кто становился главою того же семейства или отдѣльныхъ семействъ, кто имѣлъ возможность и принималъ на себя обязанности быть защитникомъ, опекуномъ, представителемъ интересовъ остальныхъ членовъ фамиліи. На основаніи этихъ понятій,

женщины, по древнему германско-
му праву, были лишены имуществен
ныхъ правъ еще болѣе, чѣмъ по рим-
скому праву: онѣ совершенно устра-
нялись отъ наслѣдства въ недвижи-
момъ имуществѣ. У германцевъ
наслѣдство переходило только
въ мужской родъ—къ сыновьямъ,
а при неимѣніи нисходящей ли-
ніи, оно переходило не къ род-
ственникамъ боковыхъ линій, а въ
восходящую линію, къ мужчинамъ,
коимъ по закону предоставлялось
право опеки надъ членами семей-
ства.

У древнихъ славянъ семейный
бытъ былъ основанъ ни на неогра-
ниченной власти отца семейства, ни
на понятіи о покровительствѣ и
представительствѣ интересовъ про-
чихъ членовъ семейства однимъ
главою онаго, а на понятіи о свя-
зи чрезъ кровное родство; семейное
единство истекало у славянъ изъ
понятія о родовомъ началѣ. Славя-
не жили раздѣльно, но всякій от-
дѣлъ составлялъ одно семейство,
одинъ родъ. Несторъ указываетъ
на существовавшую тогда привя-
занность членовъ къ своему роду,
какъ на одну изъ главнѣйшихъ
національныхъ добродѣтелей сла-
вянъ. Каждая отдѣльная личность
пользовалась извѣстными правами,
въ особенности вещественными,
единственно какъ членъ семейства,
какъ членъ рода. Вслѣдствіе сего

и все имущество не было исключительнымъ достояніемъ одного члена семейства, а составляло достояніе общественное, принадлежавшее всему семейству или роду.

Мусульманское право установило другой взглядъ на семейный бытъ, совершенно отличный отъ римскаго, германскаго и славянскаго: у мусульманъ проведенъ принципъ личности, интересы которой поставлены выше интересовъ рода. Вслѣдствіе многоженства, допущеннаго кораномъ, внутренній бытъ мусульманской семьи еще болѣе своеобразно измѣнился и осложнился. Семейная жизнь сарта, какъ мусульманина, совершенно сокрыта не только отъ постороннихъ лицъ, но и отъ родственниковъ въ извѣстныхъ степеняхъ родства. Постороннее вмѣшательство въ семейную жизнь сарта—вообще не допускается и возможно только для казія, въ случаяхъ взаимныхъ разногласій супруговъ по личнымъ и имущественнымъ претензіямъ. Многожество и личное положеніе мусульманской женщины въ частной и общественной жизни вызвали особыя, иногда мелочныя постановленія не только по семейнымъ отношеніямъ, но и по наслѣдованію. Шаріатъ въ значительной степени ограждаетъ имущественные интересы женщинъ, но не предоставляетъ ей той автономіи и правъ пол-

ной самодѣятельности, о какой не такъ еще давно раздавались голоса передовыхъ мусульманокъ Турціи, Египта и Россіи. Но благородныя попытки провести въ жизнь принципъ эмансипаціи мусульманской женщины не встрѣтили поддержки не только у мусульманскихъ правительствъ, но и среди представителей мусульманскаго общества. Въ современной намъ Турціи, даже при господствѣ младо-турокъ, образованныя мусульманскія женщины не могли получить равноправія и свободы. Можно ли поэтому говорить о женскомъ равноправіи у сартовъ въ Ташкентѣ, гдѣ нѣтъ пока ни одной образованной въ европейскомъ смыслѣ сартовской женщины, а ихъ мужья, даже и тѣ, которые имѣютъ внѣшній видъ образованныхъ людей, далеко не склонны къ мысли о женской эмансипаціи. Я возвращусь еще къ этому вопросу во второй половинѣ своего сообщенія.

II.

Въ домашнемъ и общественномъ быту жизнь сартовъ во многомъ отличается отъ нашей, русской жизни, такъ какъ ихъ жизнь сложилась совершенно при иныхъ климатическихъ, историческихъ и соціальныхъ условіяхъ, сравнительно съ жизнью русскихъ. Поэтому сартовскій домъ, дворъ, сараи, кладовыя и другія хозяйственныя по-

стройки, домашняя обстановка,—отопленіе, освѣщеніе, посуда, постель и проч., а также одежда, обувь, пища, занятія, участіе въ общественной жизни,—словомъ все, изъ чего слагается повседневная жизнь обывателя туземнаго города, не исключая отношеній его къ мечети, школѣ, базару, полю и мастерской,—все это носитъ своеобразный характеръ, въ зависимости отъ матеріальныхъ средствъ, отъ рода занятій и отъ умственнаго развитія, иногда также отъ сближенія съ русскими, а во всѣхъ случаяхъ—отъ шаріата и правилъ туземнаго благопріличія. Такъ, напримѣръ, при посѣщеніи чьего-либо дома, необходимо соблюдать слѣдующія правила: желающій войти въ чужой домъ долженъ еще изъ-за двери предупредить хозяина о своемъ намѣреніи. Для этого ему слѣдуетъ постучать въ двери, или покашлять... Когда стукъ, или кашель будутъ услышаны и изъ дома послѣдуетъ откликъ, тогда слѣдуетъ произвести привѣтствіе (селямъ), а затѣмъ испросить разрѣшеніе войти въ домъ. Въ случаѣ неполученія отвѣта сразу, слѣдуетъ повторить просьбу до трехъ разъ, причемъ послѣ каждаго обращенія необходимо выждать достаточно времени. Если послѣ троекратнаго вопроса, изъ дома не будетъ слышно отвѣта и не послѣдуетъ при-

глашенія войти, то необходимо возможно скорѣй удалиться.

Если хозяинъ дома и не отворяя двери, спроситъ пришедшаго: кто тамъ? слѣдуетъ назвать свое имя, а не говорить уклончиво: „вашъ другъ“, или: „вашъ покорный слуга“, чтобы не оставить домохозяина въ недоумѣніи относительно того, кто къ нему пришелъ.

Когда же гость приближается къ чужому дому вмѣстѣ съ его хозяиномъ, который ведетъ гостя къ себѣ, то разрѣшенія спрашивать не нужно *).

При обоюдныхъ привѣтствіяхъ соблюдается слѣдующее: когда встрѣчаются два мусульманина, они обязаны привѣтствовать другъ друга, не придавая значенія тому; —въ дружественныхъ или враждебныхъ отношеніяхъ находятся они между собой, потому что привѣтствіе установлено пророкомъ. На высказанное привѣтствіе отвѣчать безусловно необходимо.

Привѣтствіе должно быть высказано непремѣнно словами: „миръ вамъ“, или „миръ вамъ, изобиліе и милость Божія“. Будетъ невѣжливо, если привѣтствующій скажетъ: „миръ тебѣ“, или произволь-

*) При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что спрашивать хозяина дома о здоровьѣ его жены или женъ отнюдь не должно, чтобы не оскорбить его такимъ неумѣстнымъ и непозволительнымъ вопросомъ.

но измѣнить или сократить общепринятую фразу правѣтствія.

Для выраженія привѣтствія установлена фраза: „Миръ вамъ, изобиліе и милость Божія!“ Отвѣтъ на привѣтствіе долженъ заключать въ себѣ слова: „И вамъ миръ“. Произвольно сокращать или измѣнять выраженіе отвѣта на привѣтствіе нельзя. Отвѣчать на привѣтствіе надлежитъ немедленно и при томъ настолько громко, чтобы тотъ, къ кому обращается съ „миромъ“, услышалъ привѣтствіе. Въ противномъ случаѣ, обязанность получившаго привѣтствіе остается невыполненною.. Если два мусульманина, встрѣтившись, привѣтствуютъ другъ друга, то есть одинъ изъ нихъ выскажетъ привѣтствіе и другой—*вслѣдъ за нимъ*, то особаго отвѣта на каждое изъ привѣтствій не требуется; если же оба встрѣтившіеся *одновременно* произнесутъ привѣтствіе, то каждый обязывается отвѣтить на обращенный къ нему „Миръ вамъ“.

Если кто-либо входитъ въ собраніе мусульманъ и говоритъ имъ привѣтствіе, то слова свои онъ отнюдь не долженъ обращать исключительно къ кому-либо одному изъ находящихся въ собраніи, а долженъ привѣтствовать всѣхъ вообще присутствующихъ.

При встрѣчѣ на улицѣ, или на базарѣ, дозволяется привѣтствовать

особо каждаго человѣка. Но если кто получитъ привѣтствіе отъ нѣсколькихъ лицъ сразу, то и отвѣтъ его долженъ быть обращенъ ко всѣмъ его привѣтствовавшимъ, потому что если бы въ такомъ случаѣ отвѣтъ на привѣтствіе былъ обращенъ исключительно къ кому-либо одному, то привѣтствія остальныхъ остались бы безъ отвѣта со стороны того, къ кому они были обращены, и мусульманскій обычай не былъ бы выполненъ.

Когда привѣтствіе передается не лично, а черезъ посланнаго, то получившій привѣтствіе обязанъ тотчасъ же отвѣтить на него. Дозволяется отвѣтъ на привѣтствіе посланнаго соединять съ отвѣтомъ на привѣтствіе, высказанное посланнымъ отъ своего лица, въ такомъ видѣ: „и тебѣ, и ему—вамъ обоимъ миръ“. Такой же отвѣтъ полагается и на привѣтствіе, изложенное въ письмѣ.

Грѣшно при привѣтствіи кланяться, или выражать привѣтствіе движеніемъ рукъ, плечъ и головы.

Привѣтствія и отвѣтъ на него слѣдуетъ произносить настолько громко, чтобы было слышно обоимъ. Привѣтствіе, обращенное къ глухому, должно сопровождаться движеніемъ руки; въ противномъ случаѣ для глухого не считается обя-

зательнымъ отвѣтъ на привѣтствіе.

Нѣмого привѣтствуютъ движеніемъ руки, но отвѣчать на привѣтствіе нѣмого слѣдуетъ словами и жестомъ.

Лица, высшія по положенію, первые привѣтствуютъ лицъ, ниже ихъ стоящихъ въ обществѣ; конный первый привѣтствуетъ пѣшаго; ѣдущій привѣтствуетъ сидящаго; хозяинъ слугу; госпожа служанку. Небольшая по числу лицъ группа первая привѣтствуетъ собраніе большаго числа лицъ.

Мужчина не долженъ привѣтствовать постороннюю женщину, если она красива *); если же она первая обратилась съ привѣтствіемъ къ постороннему мужчинѣ, то послѣдній не долженъ отвѣчать на ея привѣтствіе. Некрасивую женщину можно привѣтствовать и должно отвѣчать на ея привѣтствіе. Не предосудительно для мужчины привѣтствовать собраніе красивыхъ женщинъ, и женщины обязаны отвѣчать на обращенное къ нимъ привѣтствіе. Равно и мужчина обязанъ отвѣчать на привѣтствіе цѣлаго собранія красивыхъ женщинъ.

Если нѣсколько мужчинъ будутъ

---

*) Жену и домашнихъ женщинъ слѣдуетъ привѣтствовать, хотя бы они были красивы. Отвѣтъ на привѣтствіе такихъ женщинъ обязателенъ.

привѣтствовать постороннюю для нихъ красавицу, или если одна посторонняя красавица выскажетъ привѣтствіе нѣсколькимъ мужчинамъ, то слѣдуетъ отвѣчать на такое привѣтствіе, если оно не было вызвано дурными намѣреніями.

Не слѣдуетъ (грѣшно) привѣтствовать и отвѣчать на привѣтствіе въ одиннадцати случаяхъ: когда муэззинъ возглашаетъ азанъ, когда хатыбъ произноситъ проповѣдь, когда мусульманинъ молится, или читаетъ коранъ; вкушающаго пищу,—не слѣдуетъ привѣтствовать; но если во рту у него еще нѣтъ пищи, то привѣтствовать его можно, и для него самого обязателенъ отвѣтъ на привѣтствіе. (Другіе случаи не приличны для печати).

Лицъ порочныхъ и невѣрныхъ не должно привѣтствовать, а на ихъ привѣтствіе не слѣдуетъ отвѣчать. Если подданный иновѣрецъ привѣтствуетъ мусульманина, то ему слѣдуетъ отвѣчать, только словомъ: „и вамъ“ *).

Когда гость или просто пришедшій по нуждѣ уходитъ и прощается съ хозяиномъ, то отвѣтъ на прощальное привѣтствіе необходимымъ.

Столь же подробныя правила су-

---

*) Подъ такимъ отвѣтомъ можно подразумѣвать все, кромѣ „мира“.

ществуютъ среди мусульманъ относительно рукопожатія при встрѣчахъ, относительно сна, ѣзды на лошади, выхода изъ дома, при встрѣчахъ въ пути, относительно манеры держать себя въ собраніяхъ, при посѣщеніи могилъ, во время угощенія на пирахъ, во время ѣды и питья, въ отношеніи къ старшимъ, жены къ мужу и проч. *

Не правда ли, что несоблюденіе подобныхъ правилъ русскими при встрѣчахъ съ сартами можетъ ронять наше достоинство въ глазахъ нашихъ новыхъ соотечественниковъ? Такія требованія мусульманскихъ приличій и воспитанныя на кодексѣ приличій привычки сартовъ вмѣстѣ съ другими общемусульманскими и мѣстными обычаями накладываютъ характерную печать на сарта; по костюму и манерамъ, а также и по разговору можно различать: земледѣльца, ремесленника, мелкаго торговца, крупнаго купца, простого рабочаго, и тѣмъ болѣе должностное лицо, также—ученаго муддарриса, или учащагося въ высшей школѣ, и наконецъ ишана, какъ духовнаго

---

*) См. брошюру Н. Лыкошина „Адабу с—салихинъ". Кодексъ приличій на мусульманскомъ востокѣ. Переводъ съ тюркскаго. Трактатъ Мухамедъ-Садыка Кашгарскаго (Ташкентъ 1895).

руководителя своихъ послѣдователей (муридовъ), а болѣе—дервиша. *) Представитель каждаго изъ этихъ классовъ имѣетъ свой вѣш-

———

*) Въ теплое время года даже состоятельные сарты ходятъ дома безъ сапогъ на босую ногу и безъ верхней одежды—въ одномъ бѣльѣ. При выходѣ же изъ дома сартъ надѣваетъ поверхъ рубашки—халатъ,—лѣтомъ ситцевый или полушелковый, а зимой подстеганный ватой, суконный и даже мѣховой. Рабочіе сарты и арбакеши для лучшаго защищенія тѣла отъ солнечныхъ лучей носятъ ватные халаты и лѣтомъ. Во время зимнихъ холодовъ состоятельные сарты надѣваютъ на себя одинъ на другой нѣсколько халатовъ до четырехъ, въ числѣ которыхъ бываетъ короткій камзолъ; многіе сарты во время лѣтней жары носятъ ситцевый или миткалевый халатъ безъ рубашки. Преобладающій цвѣтъ матеріи для нижняго бѣлья у сартовъ бѣлый, особенно у людей почтеннаго возраста, ученыхъ и важнаго общественнаго положенія. Земледѣльцы и рабочіе предпочитаютъ пестрые и яркіе цвѣта ситцевъ и полосатый тикъ. Полушелковыя матеріи для халатовъ приготовляются чаще зеленаго цвѣта съ полосками, но бываютъ полосато-пестрые халаты яркихъ цвѣтовъ по подражанію Бухарѣ. Поверхъ нижнихъ халатовъ почти всѣ сарты, особенно не знатные, повязываютъ платокъ, замѣняющій имъ кушакъ и служащій вмѣсто сакъ-вояжа, въ который завертываютъ деньги и мелкіе предметы. Богатые и должностные сарты любятъ щеголять своими чалмами, халатами и поясами. Чалмы чаще всего бываютъ бѣлаго цвѣта и разныхъ размѣровъ, пояса расшиты шелкомъ и украшены серебряными бляхами,

ній отпечатокъ и особый духовный обликъ, каждый руководится въ св ей жизни соотвѣтственными предписаніями религіознаго кодекса—шаріата или тариката, въ согласіи съ которымъ существуютъ особыя правила даже внѣшняго благоприличія. Нетронутый посторонним вліяніемъ сартъ, особенно сознательный, настолько типиченъ, а иногда и симпатиченъ даже для европейца, что невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе даже случайнаго наблюдателя, а тѣмъ болѣе лицо, заинтересованное имъ, какъ этнографическимъ типомъ. Мы въ Ташкентѣ, вслѣдствіе постоянной совмѣстной жизни съ сартами, уже такъ свыклись съ ихъ

раздѣланными подъ черныь, а халаты изъ хорошаго сукна, шелковыхъ матерій, изъ бархата (почетный халатъ 1-го разряда) и даже изъ парчи. Яркій цвѣтъ халатовъ, расшитыхъ золотыми позументами, пышная чалма, серебряныя и золотыя медали, получаемыя отъ русскаго правительства и бухарскіе знаки отличія придаютъ парадному одѣянію должностныхъ сартовъ оригинальный восточный колоритъ. Купцы носятъ узкія чалмы, которые они щегольски навертываютъ на тюбетейку. Въ послѣднее время на одеждѣ сартовъ замѣчается вліяніе татаръ и турокъ, вытѣсняющее мѣстную тюбетейку, мѣстную обувь и длинный халатъ. Изрѣдка въ послѣдніе годы стали появляться вмѣсто тюбетейки турецкія фески, или ишанскій бѣлый колпачекъ, а халатъ замѣняется татарскимъ кафтаномъ.

своеобразнымъ внѣшнимъ видомъ, что не останавливаемъ на нихъ своего вниманія, если къ этому нѣтъ у насъ особыхъ побужденій; но тамъ, гдѣ сарты не составляютъ постоянныхъ жителей и куда они являются случайно,—тамъ они служатъ предметомъ не одного праздная любопытства. Своеобразный внѣшній видъ, а также и особенности умственнаго склада сарта отличаютъ его и отъ другихъ инородцевъ, даже родственнаго сартамъ тюркскаго племени, напримѣръ отъ киргизъ, татаръ, узбековъ, туркменъ, а еще болѣе отъ бухарцевъ. Все это говоритъ за самобытность сартовскаго типа, слагавшагося въ теченіе столѣтій, и попытка сгладить въ сартѣ его типичныя особенности мнѣ лично представляется легкомысленной.

Вслѣдствіе узаконеннаго кораномъ многоженства, отличительною особенностью сартовскаго жилища служитъ раздѣленіе его на мужскую и женскую половины. Послѣдняя (ичкари) для постороннихъ мужчинъ недоступна (харамъ-гаремъ. И вообще съ улицы нельзя видѣть не только женской половины, но и мужской (тышкары), такъ какъ входъ во дворъ имѣетъ изломъ подъ прямымъ угломъ.

Крыши на сартовскихъ постройкахъ обыкновенно, какъ вообще на Востокѣ, плоскія, устраиваемыя

изъ толстаго слоя камыша, засыпаннаго сухой глиной и смазаннаго мокрой глиной, смѣшанной съ мелкой соломой; но въ русскій періодъ сарты стали устраивать на своихъ постройкахъ желѣзныя крыши съ водосточными трубами, что предохраняетъ ихъ жилища отъ протеканія и размыва во время осеннихъ дождей и послѣ таянія зимняго снѣга. Въ жаркое и душное время года сарты нерѣдко спятъ на крышахъ, особенно живущіе въ загородныхъ курганчахъ. Это дѣлается и изъ предосторожности отъ злонамѣренныхъ людей *).

Для пріема гостей состоятельные сарты устраиваютъ въ своихъ жилищахъ особыя гостинныя (михманхана), полъ которыхъ устилается коврами и палласами, стѣны иногда раскрашиваются цвѣтными узорами, красивыя ниши наполняются чайной посудой и другими болѣе видными предметами, а у людей книжныхъ — книгами. Въ простѣнкахъ между окнами и нишами вывѣшиваются въ рамкахъ, чаще прямо прилѣпляются красивыя узорныя письмена на арабскомъ и персидскомъ языкахъ, религіозно-нравоучительнаго характера, теперь изготовляемые въ литографіяхъ.

---

*) Въ такихъ случаяхъ лѣстница, по которой поднимаются на крышу, также втаскивается на крышу.

Со времени послѣдней войны турокъ съ греками въ сартовскихъ помѣщеніяхъ встрѣчаются также турецкія и казанскія гравюры съ видами Стамбула. Изображенія Мекской Каабы и Мединской мечети съ гробницей Мухаммеда обыкновенно украшаютъ стѣны мечетей, а въ частныхъ домахъ встрѣчаются рѣдко.

Потолки въ гостинныхъ раскрашиваются пестрыми причудливыми узорами синяго, краснаго, зеленаго и бѣлаго цвѣтовъ, а также сусальнымъ золотомъ, а иногда алебастровыми узорами въ арабско турецкомъ стилѣ. Впрочемъ такія украшенія болѣе свойственны мечетямъ. Картинъ и изображеній живыхъ существъ, а также фотографій сарты въ своихъ домахъ не допускаютъ, потому что это воспрещается шаріатомъ, какъ нарушеніе условій святости молитвы. Въ единичныхъ случаяхъ, какъ рѣдкое исключеніе, появляются и фотографіи, которыя во время молитвы и въ отсутствіи русскихъ повертываются лицевой стороной къ стѣнѣ. На томъ же основаніи портреты Государя въ помѣщеніяхъ сартовъ не допускаются. Однако у представителей новаго направленія можно встрѣтить фотографіи турецкаго султана и его наслѣдника и

фотографіи группъ должностныхъ лицъ *).

На просторныхъ дворахъ взжиточные сарты разводятъ цвѣтники, устраиваютъ водоемы (хаузъ) и особыя земляныя насыпи (супа), которыя обсаживаются тѣнистыми деревьями. Подъ тѣнью деревьевъ и въ прохладѣ отъ хауза, сарты проводятъ часы отдыха вечеромъ и принимаютъ своихъ гостей въ душное время года на террасахъ. Сады и огороды обыкновенно разводятся у сартовъ въ загородныхъ мѣстахъ, при пашняхъ, а иногда при отдѣльныхъ отъ пахотныхъ полей курганчахъ. По побужденіямъ матеріальнымъ, сарты разводятъ и древесныя насажденія, и поселенія ихъ выгодно отличаются отъ киргизскихъ лѣтовокъ и представляются зелеными оазисами среди выжженныхъ солнцемъ степей и песчаныхъ равнинъ.

Неуютною и непріятною особенностью сартовскихъ поселеній служатъ кривыя и часто весьма узкія улицы; за то крытые базары въ большихъ торговыхъ центрахъ можно считать хорошимъ и практичнымъ обычаемъ, вызываемымъ климатомъ мусульманскаго востока.

---

*) Въ настоящее время среди молодыхъ сартовъ встрѣчаются любители, имѣющіе собственные фотографическіе аппараты и друг. принадлежности этого искусства.

Узость и кривизна улицъ объясняется не только отсутствіемъ у сартовъ общественно-гигіеническихъ знаній, но и постепеннымъ историческимъ расширеніемъ ихъ селеній безъ плана, а также опасеніемъ набѣговъ сосѣднихъ кочевниковъ въ періодъ до завоеванія края русскими. Поэтому въ концѣ улицъ большихъ городовъ въ прежнее время устраивались ворота, которыя запирались съ наступленіемъ сумерекъ. Ворота устраивались въ наружной стѣнѣ окружавшей городъ иногда въ два ряда. Мѣстами общественныхъ развлеченій у сартовъ служатъ сады при домахъ, если усадьба позволяетъ это. Большею же частью сады разводятся въ загородныхъ мѣстахъ, на дачахъ. Нужно отдать сартамъ справедливость:—въ ихъ загородныхъ садахъ можно находить прохладу и покой отъ шума городского и отъ пыли. Также и цвѣтники ихъ засаженные мѣстными цвѣтами, могутъ доставлять глазамъ пріятное впечатлѣніе. Особый характеръ общественныхъ развлеченій сартовъ имѣютъ вечернія „тамаша“, устраиваемыя въ мѣсяцъ Рамазанъ — охотно посѣщаемыя и русскими жителями, такъ какъ эти тамаша общественныя; въ загородныхъ садахъ частныхъ владѣльцевъ веселятся только близкіе знакомые хозяевъ сада.

Украшеніемъ сартовскихъ городовъ служатъ мечети и мадрасы поддерживаемыя щедростью благотворителей и вакуфами первыхъ основателей.

Въ пищѣ сартовъ большого разнообразія и обилія въ кушаньяхъ нѣтъ: сарты вообще воздержаны и скупы. Утромъ состоятельные сарты пьютъ чай простой или калмыцкій (чаще безъ сахара) съ изюмомъ и лепешками домашняго или базарнаго приготовленія, въ полдень нѣкоторые варятъ жидкую рисовую кашу на молокѣ, особое блюдо изъ мелко рубленаго мяса (нарымъ), а при достаткѣ любимое палау на бараньемъ салѣ и съ баранымъ мясомъ, для угощенія посторонних почетныхъ лицъ, особенно въ дни семейныхъ и религіозныхъ праздниковъ, приготовляются разнообразныя мясныя и мучныя блюда, съ острыми приправами и *) подаются разныхъ родовъ сласти (дастарханъ). Жаркое иногда замѣняется у сартовъ шашлыкомъ (кабабъ), а вообще не въ большомъ употребленіи. Въ лѣтнее время

---

*) Напримѣръ: машъ — кичири или машъ—гуруичъ (гороховый форшмакъ) на бараньемъ салѣ, съ рисомъ и мясомъ; пельмени двухъ сортовъ (манты и чичвара), каурдакъ—жареное мясо съ картофелемъ и кислымъ соусомъ; иногда жарятъ перепелокъ и куропатокъ и др

овощи на столѣ сартовъ имѣютъ широкое распространеніе, особенно у бѣдныхъ и рабочихъ. Послѣдніе во время работы питаются чаемъ безъ сахара, лепешками и дынями, или другими плодами. Подневные рабочіе часто довольствуются только лепешками и дынями, причемъ запиваютъ лепешку сырой арычной водой (правила ѣды).

Весьма похвальною чертою огромнаго большинства сартовъ служитъ совершенное неупотребленіе спиртныхъ напитковъ, хотя это зло въ послѣднее время начало распространяться преимущественно между молодыми сартами: за предѣлами туземныхъ поселеній сартовская молодежь привыкла пить пиво и водку въ питейныхъ заведеніяхъ.

Въ семейной жизни сарта, не ослабляется, даже въ случаѣ многоженства, чадолюбіе. Маленькія дѣти обоего пола до зрѣлаго возраста пользуются заботливымъ попеченіемъ своихъ родителей и родственниковъ. Кормленіе грудныхъ дѣтей составляетъ обязанность матери и продолжается годъ и долѣе, смотря по состоянію здоровья матери. При невозможности для матери кормить своего ребенка, онъ передается другой женщинѣ— посторонней, или же другой женѣ мужа, что порождаетъ такъ называемое „молочное родство“ меж-

ду самой кормилицей и ея дѣтьми и чужимъ ребенкомъ, котораго она кормитъ своей грудью, это родство препятствуетъ вступленію въ бракъ такъ же, какъ и кровное родство. Воспитаніе дѣтей у сартовъ носитъ строго патріархальный характеръ. До пяти—шести лѣтъ мальчикъ находится подъ непосредственнымъ вліяніемъ не только родителей, преимущественно матери, но и дѣда, которому шаріатъ предоставляетъ на это главное право, особенно въ случаѣ смерти отца ребенка. Съ поступленіемъ мальчика въ школу (мактабъ), на него распространяется вліяніе учителя и самой системы обученія, отличающейся узкимъ религіозно—обрядовымъ характеромъ. *) Когда мальчикъ по окончаніи мактаба, поступаетъ въ мадрасу то на воспитаніе его семья почти утрачиваетъ свое вліяніе, такъ какъ онъ большую часть года проводитъ въ мадрасѣ, даже и въ случаѣ женитьбы. Если мальчикъ не поступаетъ въ мактабъ, а тѣмъ болѣе въ мадрасу, то онъ съ раннихъ лѣтъ принимаетъ посильное участіе въ занятіяхъ своего отца (это особенно наблюдается у мастеровъ).

Совмѣстная съ русскими жизнь

---

*) См. мою книгу „Введеніе въ курсъ исламовѣдѣнія“ (Ташкентъ 1914 г.).

сартовъ создала новыя занятія для дѣтей—подростковъ подносить съ базара мелкія покупки *) и распродовать по городу №№ газетъ, что кладетъ особый отпечатокъ на занимающихся этимъ дѣломъ подростковъ. На воспитаніе дѣвочекъ у сартовъ обращается меньшее вниманіе: заботы матери и бабушки направлены на то, чтобы изъ дѣвочки вышла хорошая невѣста, выдача которой замужъ не всегда безвыгодное дѣло, особенно для небогатаго отца.

Съ занятіемъ края русскими, на воспитаніе дѣтей сартовъ въ городахъ и большихъ селеніяхъ стала вліять русская жизнь съ ея не только школой, но и улицей, такъ какъ формы русской общественной жизни туземцы могутъ наблюдать и перенимать. Въ тоже время русское управленіе отмѣнивъ должность казы-раиса, ослабило вліяніе шаріата на сартовъ.

Главнѣйшими моментами въ жизни сарта служатъ: рожденіе ребенка, обрѣзаніе сына, отдача его въ школу и окончаніе имъ курса, женитьба и вступленіе въ самостоятельную жизнь, выборы на общественную должность, путешествіе

---

*) Это такъ называемые „тащашки", въ роли которыхъ бываютъ и взрослые бѣдняки, иногда даже старики.

въ Мекку и др. св. мѣста и наконецъ похороны.

Рожденіе ребенка, особенно мальчика, сопровождается поздравленіями родственниковъ и знакомыхъ и приношеніемъ подарковъ. Обрѣзаніе сына и свадьба вызываетъ большой пиръ (той), устройство котораго разорительно для людей небогатыхъ. Поступленіе въ школу и послѣдовательный переходъ ученика отъ одной учебной книги къ другой сопровождается подарками учителю; окончаніе курса въ школѣ или полное заучиваніе наизусть корана сопровождается угощеніемъ учителя, товарищей и знакомыхъ родителей и подаркомъ учителю. Вступленіе въ самостоятельную дѣятельность (первое отправленіе въ дорогу съ торговымъ порученіемъ) и выборы на общественную должность сопровождаются также пиршествами. Предвыборная агитація вызываетъ среди сартовъ большіе расходы на задабриваніе выборщиковъ. Путешествіе въ Мекку, по трудности и священному значенію, сопровождается трогательными проводами и радостными встрѣчами. Возвратившійся домой паломникъ пожизненно пользуется почетнымъ титуломъ „хаждія“. Похороны и поминки также вызываютъ большіе расходы на поминальные подарки присутствующимъ при погребальномъ обрядѣ и на поминкахъ.

Семейныя отношенія у сартовъ— находятся въ строгой зависимости отъ взглядовъ религіи и регулируются точными и подробными предписаніями шаріата, не исключая взаимныхъ супружескихъ обязанностей.

Въ бракъ сарты вступаютъ рано, съ наступленіемъ половой зрѣлости (16—17 лѣтъ), особенно въ семьяхъ состоятельныхъ,—для которыхъ не представляется затрудненій устройство свадебнаго пира, выплата махра и содержаніе невѣстки. Дочерей своихъ благоразумные родители не спѣшатъ выдавать замужъ до 15—16 лѣтъ, хотя шаріатъ разрѣшаетъ и раннее замужество.

Молодые люди женятся сначала на одной женѣ, а потомъ, смотря по обстоятельствамъ и средствамъ, могутъ брать другую жену, а также третью и четвертую. Люди пожилые и со средствами одновременно имѣютъ двухъ—трехъ и даже четырехъ женъ, *) когда первыя по времени замужества жены уже состарѣлись или безплодны. Вѣдняки среди сартовъ, холостяки

---

*) Коранъ и шаріатъ разрѣшаетъ мусульманамъ жениться на двухъ, трехъ—четырехъ женахъ, такъ что моногамія, какъ будто, и не рекомендуется даже.

и вдовцы, не имѣютъ женъ. *) Это явленіе часто соціальнаго характера и наблюдается особенно въ послѣдніе годы подъ вліяніемъ развивающейся дороговизны жизни, вмѣстѣ съ ослабленіемъ нравственныхъ устоевъ у молодежи и безнаказанности преступленій полового характера.

Взглядъ корана и шаріата на женщину, какъ на существо низшее сравнительно съ мужчиной, и на супружескій союзъ имѣетъ цѣлью дѣторожденіе наложилъ особую печать на отношенія супруговъ у сартовъ, въ отличіе отъ такихъ же отношеній у европейскихъ народовъ. Не говоря о полигамическомъ характерѣ брака сартовъ, въ отношеніяхъ мужа и жены, въ семейномъ и общественномъ быту, наблюдается огромное различіе: мужъ не только глава жены, но и хозяинъ ея: въ его власти дать разводъ женѣ въ любое время. Хотя шаріатъ обусловливаетъ разводъ разумными правилами, но положеніе жены далеко не равноправно сравнительно съ положеніемъ мужа. По установившемуся обычаю, мужъ свободно выходитъ изъ дома, принимаетъ у себя другихъ мужчинъ и производитъ всѣ

---

*) Неимѣніе жены ведетъ часто къ появленію среди сартовъ гнусныхъ по-

дѣла свои открыто, не стѣсняясь присутствіемъ другихъ мужчинъ, жена же обязана сидѣть дома и не показывается въ обществѣ чужихъ мужчинъ, а когда выходитъ за двери дома на улицу, обязана закрывать свое лицо непроницаемою для глазъ постороннихъ лицъ черною волосатою сѣткою, и вообще не должна учащать своихъ выходовъ изъ дома. Мужъ свободно и всегда участвуетъ во всѣхъ религіозныхъ и общественныхъ собраніяхъ; жена же не имѣетъ права посѣщать даже мечеть вмѣстѣ съ мужчинами, не можетъ появляться въ обществѣ другихъ женщинъ безъ позволенія мужа и не можетъ предпринимать паломничества въ Мекку, или въ другія священныя мѣста. Подобно древне-русскому "Домострою",и шаріатъ, мужу предписываетъ по отношенію жены разныя исправительныя, мѣры и наказанья т. обр. жены сартовъ въ окружающей ихъ жизни, обречена почти на затворничество и малую освѣдомленность относительно внѣшняго для нихъ міра. Все это оказываетъ значительное вліяніе на задержку личнаго духовнаго развитія сартовскихъ женщинъ. Мужъ можетъ получать всевозможныя впечатлѣнія отъ внѣшняго міра, въ которомъ онъ съ утра до вечера свободно вращается, особенно торговый классъ, имѣющій

сношенія и съ русскими; женщина сартовъ лишена возможности даже имѣть непосредственное соприкосновеніе съ русскимъ городомъ, который она видитъ только при проѣздѣ за городъ и то черезъ черную волосяную сѣтку, закрывающую лицо и глаза женщины. Она приходитъ въ непосредственное сношеніе только съ русской—женщиной—врачемъ и русскою фельдшерицею въ мѣстныхъ амбулаторіяхъ.

Описанная замкнутость сартовской женщины обусловлена шаріатомъ и составляетъ общее явленіе въ мусульманскихъ странахъ, не исключая и Турціи, что и вызвало среди получившихъ европейское образованіе немногихъ мусульманокъ стремленіе къ домогательству съ ихъ стороны автономнаго равноправія съ мужчинами, какъ въ Турціи, такъ и въ Россіи. Но какъ въ Турціи, такъ и въ Россіи движеніе прогрессивныхъ мусульманокъ не встрѣтило сочувствія въ народной массѣ; среди сартянокъ Сыръ-Дарьинской области и самого вопроса о женской эмансипаціи не было и не могло быть, какъ вдругъ въ 1900 г. раздался голосъ русской феминистки, эксцентричной О. С. Лебедевой, приславшей тогдашнему Генералъ Губернатору свою брошюрку „объ эмансипаціи мусульманской женщины". Въ этой

небольшой книжечкѣ г жи Лебедева писала:

„Не такъ давно нами были изложены взгляды по поводу необходимости эмансипаціи мусульманской женщины въ рѣчи, сказанной въ королевскомъ Римскомъ Университетѣ на XII конгресѣ оріенталистовъ бывшемъ въ октябрѣ 1899 году. Краткость времени, предоставленнаго въ наше распоряженія, не позволила намъ тогда наложить весь тотъ интересный матеріалъ, который былъ собранъ нами по взбужденному вопросу. Этотъ вопросъ не только важенъ съ гуманной точки зрѣнія, но онъ имѣетъ великое культурное значеніе, а потому мы опять указываемъ пути къ его разрѣшенію и обращаемся ко всему цивилизованному міру за содѣйствіемъ, такъ какъ пора въ нашъ вѣкъ вывести мусульманскую женщину изъ того рабскаго положенія, въ которомъ она нынѣ находится. Большинство фанатичныхъ и не образованныхъ мусульманъ, а съ нимъ вмѣстѣ незнакомые съ исламомъ европейцы, полагаютъ что онъ исключаетъ женщину изъ общественной жизни не позволяетъ получать ей образованіе, одинаковое съ мущиной. Но это предразсудокъ, съ которымъ не только надо бороться, но его слѣдуетъ искоренить, такъ какъ онъ идетъ въ разрѣзъ съ подлин-

нымъ ученіемъ Мохаммеда, изложеннымъ въ его коранѣ.

Г-жа Лебедева приводитъ затѣмъ примѣры изъ жизни французскихъ и англійскихъ подданныхъ мусульманъ въ Англіи, Тунисѣ, въ Каирѣ и отчасти въ Сиріи, указывающіе на начало пробужденія среди мусульманскихъ женщинъ и стремленія ихъ къ европейскому образованію и говоритъ: „въ этой великой общественной задачѣ, имѣющей цѣлью умственное возрожденіе Востока, мы, европейцы, обязаны принять самое дѣятельное участіе. Въ былое время мы многое заимствовали съ востока, а теперь, новѣйшая цивилизація, въ свою очередь, нравственно обязана подѣлиться съ нимъ своимъ просвѣщеніемъ и гуманнымъ вліяніемъ. Разбудимъ же Востокъ отъ его вѣковаго сна".

Г-жа Лебедева рекомендуетъ учреждать Общества Востоковѣдѣнія, при помощи которыхъ необходимо поучать и удовлетворять умственныя и матеріальныя потребности восточныхъ народовъ. Мы полагаемъ, говоритъ она, что воспитаніе и образованіе дѣвушекъ, какъ будущихъ матерей, весьма важно. Мусульманскія женщины жаждутъ образованіе и потому необходимо, гдѣ можно, не касаясь религіи, преподавать науки и искусства. Надо имѣть въ виду, что сыновья ислама до женитьбы остаются иск-

лючительно подъ руководствомъ матерей, роль которыхъ коранъ опредѣляетъ такъ: „Рай находится у ногъ матерей*).

Сославшись затѣмъ на Касимъ Аминбея, совѣтника аппеляціоннаго суда, въ Каирѣ, она продолжаетъ: „Историческій ходъ событій и усовершенствованныя соціальныя реформы жизни указываютъ потребность въ этомъ, такъ какъ возможно ожидать, что въ противномъ случаѣ, не въ далекомъ будущемъ, съ Востокомъ можетъ произойти повтореніе, такъ сказать, катастрофы нашествія татаръ, но въ обратномъ смыслѣ т. е. тогда варварство уничтожило цивилизацію, а теперь придется цивилизація поглотить варварство.

„Самое лучшее было бы для Востока не отвергать нашу братскую руку, которую мы ему протягиваемъ, и работать вмѣстѣ.

„Мы уже отчасти приближаемся къ лучшему будущему и потому надо съ полной энергіей стараться ускорить возвращеніе мусульманской женщинѣ ея историческихъ правъ и дать ей ту жизнь, которая согласна съ ея религіей и современной цивилизаціей".

Брошюра г жи Лебедевой была прислана Обществомъ Востоковѣденія, и Туркестанскимъ Генералъ-

---

*) Такого изрѣченія въ коранѣ нѣтъ. Н.О.

Губернаторомъ было открыто въ г. Ташкентѣ отдѣленіе этого общества*) Ташкентское отдѣленіе съ своей стороны сдѣлало попытку обучать при одной женской амбулаторной лечебницѣ русской грамотѣ жен̈ъ мѣстныхъ сартовъ. Но изъ этого опыта никакихъ существенныхъ результатовъ не получилось. И я думаю, что хотя для эмансипаціи мѣстныхъ туземокъ время еще не настало, но въ этомъ важномъ дѣлѣ могутъ оказать большую услугу именно русскія женщины-врачи вступающія въ непосредственное соприкосновеніе съ туземками, близкія имъ по своему полу и пользующіяся ихъ довѣріемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я позволю себѣ замѣтить также, что преждевременная попытка Ташкентскаго Отдѣленія Общества Востоковѣдѣнія была предпринята вслѣдствіе нашей недостаточной освѣдомленности относительно домашняго и общественнаго быта

---

*) Вопросъ объ открытіи въ Ташкентѣ отдѣленія общества обсуждался въ особомъ собраніи, состоявшемся 14 апрѣля 1901 года въ домѣ Туркестанскаго Ген.-Губ. и тогда же было постановлено возбудить предъ министромъ финансовъ ходатайство объ учрежденіи въ Ташкентѣ филіальнаго отдѣленія Общества Востоковѣдѣнія. Ташкентское отдѣленіе существовало и кое-что дѣлало; но въ настоящее время оно совершенно бездѣйствуетъ, хотя офиціально и не закрыто.

сартовъ вообще и женской половины ихъ въ особенности, причемъ не были приняты во вниманіе всѣ трудности задуманной реформы и ея послѣдствія. Въ этомъ случаѣ ОбществоВост. ошибалось уже потому, что примѣнило къ положенію сартовской женщины христіанско-европейскую мѣрку, совершенно игнорируя вѣковыя основы семейнаго быта сартовъ. Было упущено изъ виду, что тѣ немногія мусульманки, которыя сознательно относятся къ неудовлетворяющему ихъ соціальному положенію, дошли до такого сознанія только путемъ образованія въ русской гимназіи или въ институтѣ, и что піонеркъ женской эмансипаціи среди мусульманъ понимаютъ и поддерживаютъ опять-таки только европейски образованныя личности, а масса мусульманскаго населенія и до сихъ поръ или не понимаетъ важности женскаго вопроса среди мусульманъ, или же считаетъ его не примѣнимымъ къ жизни, основанной на предписаніяхъ шаріата, противоположныхъ европейско-христіанскимъ взглядамъ на женщину и на семейную жизнь. Можетъ быть также, что до нѣкоторой степени правы были и турки, которые видѣли въ женской эмансипаціи не одни только хорошія стороны. Что же послѣ этого говорить о нашихъ ротахъ, для которыхъ всякая по-

пытка эмансипаціи ихъ женской половины кажется имъ не только ересью—грѣхомъ, но и грозитъ полнымъ крушеніемъ ихъ семейнаго очага и общественнаго укладя, при которомъ они жили и были по своему счастливы въ теченіе тысячи лѣтъ.

Я не хочу сказать, что современная намъ женщина сартовъ совершенно счастлива и довольна своимъ настоящимъ положеніемъ и потому не нуждается ни въ какомъ улучшеніи своего положенія; я только настаиваю на мысли, что къ столь серіозной и сложной реформѣ женской половины нашихъ сартовъ нужно приступить осмотрительно и умѣло, не игнорируя въ то же время и мужской половины сартовскаго населенія, ревниво оберегающаго неприкосновенность своего домашняго очага.

Образованный капрскій публицистъ, Касимъ-Аминъ, издавшій книгу о новой арабской женщинѣ, въ 1899 году, писалъ:

„Читатель моей книги замѣтитъ, что я стремлюсь къ осуществленію моихъ надеждъ въ ближайшемъ будущемъ, потому что направить душевныя состоянія по пути совершенства не такъ легко; результатъ вліянія различныхъ факторовъ оказывается здѣсь очень медленно при скрытомъ движеніи. Всякая перемѣна въ какой либо націи, послѣдствія которой обна-

ружаются въ ея жизни, не является чѣмъ—то простымъ: въ сущности эта цѣлая сумма измѣненій, совершающихся постепенно въ душѣ каждаго индивидуума; затѣмъ уже отъ отдѣльныхъ личностей эти измѣненія распространяются на всю націю. Такая слсжная перемѣна является возрожденіемъ націи.

„Измѣнить наше настоящее положеніе сразу не подъ силу человѣку. Для насъ не составляетъ позора, что мы очутились въ такомъ положеніи, такъ какъ каждое поколѣніе отвѣтственно только въ своихъ дѣяніяхъ. Позорно для насъ считать себя образцами совершенства и отрицать свои недостатки, утверждая, что наши обычаи самые лучшіе для всякаго времени и мѣста. Позорно для насъ бороться съ истиной, которая для своего признанія не нуждается въ нашемъ подтвержденіи. Все, что мы говоримъ или дѣлаемъ для ея отрицанія, на нее не оказываетъ никакого вліянія, намъ же самимъ вредитъ, какъ ложь лжецу, воздвигаетъ намъ преграду передъ возможностью исправленія. Нація не можетъ достичь въ чемъ—либо прогресса, пока сознательно не признаетъ нужды въ немъ и не узнаетъ средствъ, ведущихъ къ нему.

Я не думаю, что найдется хоть

одинъ изъ образованныхъ египтянъ, который сомнѣвается, что народъ его крайне нуждается въ улучшеніи своего состоянія. И вотъ этимъ образованнымъ, къ которымъ я обращаюсь сегодня, я говорю, что на нихъ лежитъ отвѣтственность за наши страданія въ этомъ вѣкѣ. Ни ихъ познанія, ни ихъ воля не позволяютъ обрекать самихъ себя и свой народъ на безсиліе, тоску и отчаяніе. Это лишь особый видъ лѣни или скрытая форма трусости, прилична тому, въ комъ нѣтъ увѣренности ни въ самомъ себѣ, ни въ своей семьѣ, ни въ своей націи, ни въ своемъ законѣ, ни въ своемъ Богѣ. Такимъ поведеніемъ они обрекаютъ себя на жертву событіямъ, которыя распоряжаются ими, какъ безсловесными тварями, направляя ихъ, куда угодно имъ, или не угодно.

„Я указываю на одну дверь къ этому прогрессу въ нашемъ народѣ, я касаюсь только одной стороны въ жизни личностей, которая оказываетъ сильнѣйшее вліяніе на весь народъ. Говорю я объ этомъ то, что считаю истиной; если я ошибаюсь, то мое благое намѣреніе даетъ мнѣ надежду на прощеніе моей ошибки. Если я правъ, какъ мнѣ кажется, то эти образованные люди должны постараться о распространеніи наложеннаго на

этихъ листкахъ и подтвердить это своимъ согласіемъ и дѣломъ.

Тезисъ вступительной главы (стр. 4—18) формулируется въ ея заглавіи: „Положеніе женщины въ соціальномъ строѣ соотвѣтствуетъ культурному уровню націи“. *).

Послѣ этого отступленія, продолжаю о бытѣ сартовъ которые въ свободное отъ обязательнаго труда время и въ особыхъ случаяхъ жизни, а также и по исторической традиціи**) устраиваютъ себѣ и гостямъ своимъ разныя увеселенія (тамаша).

Въ началѣ солнечнаго года, съ наступленіемъ весенних теплыхъ дней въ первыхъ числахъ марта, повсемѣстно въ Туркестанскомъ краѣ справляется „сайлъ“ новый годъ. Это увеселеніе состоитъ главнымъ образомъ въ борьбѣ знаменитыхъ силачей—борцовъ не только данной мѣстности, но и окрестностей. Побѣдители получаютъ халаты и деньги, собираемые съ любителей. На состязанія въ борьбѣ пріѣзжаютъ иногородніе борцы (палваны).

---

*) Касимъ-Аминъ, совѣтникъ аппеляціоннаго суда. Новая женщина. Перев. со 2 го арабскаго изданія и предисловіе И. Ю. Крачковскаго (С. Петербургъ, 1912).

**) Напримѣръ посѣщеніе селенія Зен е-Ата въ концѣ іюня и въ іюлѣ Тамъ бываютъ большія тамаши.

Во время поспѣванія дынь и винограда сарты выѣзжаютъ въ свои загородные сады, гдѣ остаются до осеннихъ холодовъ. Осенью и зимой они собираются другъ у друга на такъ называемыя товарищескія вечеринки „гапъ". Отъ личнаго общественнаго положенія устроителя вечеринки зависитъ характеръ и времяпровожденія.

Ученые представители общества занимаются религіозными разговорами, причемъ не забываются и злободневные вопросы и новости.

Молодые люди на своихъ вечеринкахъ развлекаются зрѣлищемъ пляшущихъ и поющихъ бачей, а иногда и кривляніемъ маскарабазовъ.

Особенно высоко цѣнятся пѣвцы (хафизы), иногда совершающіе свои турне по окрестности на далекія разстоянія. Пѣніе ихъ немузыкально, а содержаніе пѣсенъ односторонне-эротическое.

Простые люди въ складчину въ зимніе вечера собираютъ свою веселую компанію и забавляются пѣніемъ подъ аккомпаниментъ мѣстныхъ музыкальныхъ инструментовъ, ухаживаніемъ за бачей и веселыми (часто пошлыми) прибаутками. Изъ-за бачей нерѣдко возникаютъ ссоры ревности, оканчивающіяся драками и убійствами.

Въ ночи мѣсяца Рамазана, особенно когда онъ бываетъ въ теп-

лые мѣсяцы, у сартовъ бываетъ сплошное веселье на базарахъ и въ общественныхъ садахъ, близъ мечети гдѣ тысячи народа всякаго возраста и положенія проводятъ время въ веселье. До русскаго завоеванія Туркестана ассортиментъ сартовскихъ развлеченій былъ не разнообразенъ: (бачи, маскарабазы, маддахи, гадальщики, фокусники, театралы и скалозубы); въ русское время на сартовскіе базары переселяются въ ночи Рамазана русскіе фокусники, клоуны, царкачи и царкачки, граммофоны и кинематографы. Русская музыка играетъ около балагановъ, а граммофоны гремятъ даже и въ чай ханѣ. Чайханы бываютъ полны народа и ашъ-ханы работаютъ усиленно. Словомъ, это зрѣлище для европейца невиданное, почему многіе русскіе ѣздятъ въ эти вечера въ сартовскій городъ посмотрѣть „тамашу".

Въ два главные мусульманскіе праздники—Рамазанъ и Курбанъ, если погода благопріятствуетъ, развлеченія сартовъ происходятъ на площадяхъ и во дворахъ. Во дворахъ устраиваются базмы (пляски бачей), а на площадяхъ даютъ опасныя представленія ходуны по канатамъ на большой высотѣ (дарваз).

Особыя пиршества (той) у сартовъ бываютъ по случаю обрѣзанія

сына и въ дни свадьбы. На эти пиршества иногда приглашаются даже иногородніе гости. Всѣхъ гостей хозяинъ угощаетъ и одаряваетъ сообразно своему состоянію. Иногда тщеславные богачи затрачиваютъ десятки тысячъ рублей. Увеселенія на этихъ пиршествахъ сопровождаются звуками большихъ трубъ и одновременнымъ веселіемъ на мужскомъ и женскомъ дворахъ. Особыми церемоніями сопровождаются прибытіе жениха къ невѣстѣ и отъѣздъ невѣсты въ домъ жениха. Въ пиршествѣ по случаю обрѣзанія сына видное мѣсто занимаютъ дѣти—сверстники обрѣзываемаго.

Съ наступленіемъ болѣе прохладныхъ дней въ концѣ лѣта и въ сухую осень, а также и ранней весной сартовская молодежъ развлекается въ равнинныхъ мѣстахъ, за городомъ, удальскими и опасными скачками съ козломъ, котораго стараются вырвать другъ у друга горячіе соперники. Это—древняя забава туранцевъ, извѣстная подъ именемъ „кокъ-бури“ — сѣрый волкъ, или „улакъ“.

Въ охотничій сезонъ сарты любятъ охотиться съ соколами и кречетами на перепеловъ и другую дичь. Самые способы охоты въ настоящее время уже отступили отъ правилъ шаріата; такъ какъ

вошли въ употребленіе охотничьи ружья.

Люди рабочаго класса развлекаются боями перепеловъ, барановъ, пѣтуховъ и разными азартными играми (кымаръ).

Вмѣстѣ съ тѣмъ сарты отдаютъ дань и развлеченіямъ, устраиваемымъ русскими: народныя гулянья съ лотереями и фейерверками, а въ послѣднее время они охотно посѣщаютъ кинематографы, нерѣдка театры и особенно представленія въ церквахъ.

Дѣти сартовъ имѣютъ обширный кругъ разнообразныхъ игръ, соотвѣтсвующихъ дѣтскому возрасту, но не всегда скромныхъ*).

Лица высокаго общественнаго положенія и ученые сарты въ описанныхъ развлеченіяхъ участія не принимаютъ изъ опасенія уронить свой религіозный и общественный авторитетъ. Ихъ собранія отличаются наружной солидностью и показаннымъ благочестіемъ. На этихъ собраніяхъ они скромно угощаются чаемъ и дастарханомъ, читаютъ религіозныя и душеспасительныя сочиненія и ведутъ книжные разговоры. Такимъ же характеромъ отличаются специальныя

---

*) Игра въ шайтана, въ прятки, заяцъ, прыжки, казны, рѣшка, игра въ орѣхи, бѣгъ въ перегонку, игра въ воинъ съ прибаутками и др.

собранія въ мадрасахъ и собранія по случаю воспоминанія дня рожденія Мухаммеда. Въ случаѣ прибытія въ данную мѣстность какого нибудь виднаго ишана, извѣстнаго турка или святого арабе, въ собраніяхъ сартовъ не обходится дѣло безъ политики. Съ появленіемъ новометодныхъ мактабовъ, у сартовъ прибавилось новое развлеченіе—годичные экзамены въ этихъ школахъ, на которыхъ присутвуютъ родители учащихся дѣтей и жители квартала.

До русскаго завоеванія Туркестана въ домашнемъ и общественномъ бытѣ сартовъ существенныхъ перемѣнъ не происходило, кромѣ матеріальнаго улучшенія домашней обстановки, если это позволяли матеріальныя средства. Тѣмъ менѣе могли быть измѣненія въ понятіяхъ и стремленіяхъ сартовъ, такъ какъ условія жизни сарта оставались однообразными. Съ приходомъ русскихъ въ край, въ жизни сартовъ должны были неизбѣжно произойти перемѣны, касающіяся главнымъ образомъ внѣшней стороны ихъ жизни; духовная сторона сартовъ и въ указанный новый періодъ подъ русскимъ управленіемъ, существенно не измѣнилась, такъ какъ они оставались при своей религіи, при своихъ правахъ и обычаяхъ, а въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ сказывалось русское вліяніе, тамъ

оно ограничивалось внѣшностью. Только въ послѣдніе годы, съ проведеніемъ желѣзной дороги до Ташкента со стороны Оренбурга и съ распространеніемъ русскаго образованія среди дѣтей сартовъ, стали постепенно измѣняться самыя понятія сартовъ и взгляды ихъ на разныя стороны современной жизни, не только мѣстной, но и общероссійской и даже европейской. До русскихъ сарты не имѣли понятія о печати и довольствовались однимъ письмомъ въ интересахъ, отвѣчающихъ ихъ узкимъ потребностямъ; теперь они пользуются не только литографіей, но и печатнымъ станкомъ; незная до прихода русскихъ вообще газетъ, теперь они открываютъ свои частныя газеты, не говоря о газетахъ турецко-татарскихъ, выписываемыхъ ими,

Кто видѣлъ и зналъ дѣдовъ и прадѣдовъ современнаго поколѣнія сартовъ, тотъ можетъ удивляться быстрой перемѣнѣ, происшедшей въ ихъ жизни подъ вліяніемъ русскаго управленія въ краѣ. Современные намъ зажиточные сарты щегольски одѣты, говорятъ бойко по русски, выѣзжаютъ въ модномъ экипажѣ, иногда на тысячномъ рысакѣ или на автомобилѣ, ведутъ крупную торговлю до милліоннаго оборота и бываютъ не только въ большихъ городахъ и столицахъ

Россіи, *) но и въ Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ и Вѣнѣ, не говоря о Константинополѣ, а ихъ дѣды и прадѣды рѣдко выѣзжили верхомъ, можетъ быть, даже на ичакѣ или въ трясучей арбѣ до Туркестана, или до другого ближайшаго пункта для поклоненія могилѣ святого. Въ весьма рѣдкихъ случаяхъ предпріимчивый купецъ ѣздилъ вмѣстѣ съ бухарцами въ Нижній Новгородъ, имѣлъ торговый оборотъ въ десять-двадцать, много 50 тысячъ рублей, и считался большимъ баемъ. Дѣдъ не зналъ и не понималъ современныхъ кредитныхъ учрежденій, не видалъ желѣзной дороги и парохода, не пользовался телеграфомъ и телефономъ, а внукъ успѣшно пользуется банкомъ и вексельнымъ учетомъ, свободно, быстро и безопасно переѣзжаетъ большія разстоянія, сносится по телеграфу съ отдаленными городами, имѣетъ телефонъ, ѣздитъ на трамваѣ и въ вексельныхъ оборотахъ не имѣетъ себѣ соперниковъ. Дѣдъ, особенно прадѣдъ, жилъ въ грязной и душной саклѣ подъ глиняной крышей, пропускавшей дождевую и снѣговую воду, ѣлъ пальцами густую пищу и грубыя фрук-

---

*) Даже дѣти сартовъ, учащіяся въ р. туземныхъ школахъ совершали экскурсіи въ Евр. Россію и въ объ ея столицы. См. „Сарты" третье изданіе (1908).

ты, а его внукъ и правнукъ имѣ-
етъ просторныя, свѣтлыя хоромы
подъ желѣзной крышей съ русскою
мебелью и столовой посудой и самъ
разводитъ улучшенныя сорта фрук-
товъ; дѣдъ и прадѣдъ не знали
другой общественной жизни, кромѣ
своей шаріатной и адатной, и раз
влеченій, кромѣ старинныхъ-народ-
ныхъ, происходившихъ подъ оглу-
шительные звуки карная и сарная,
а внукъ посѣщаетъ современный
русскій театръ и симфоническіе кон-
церты, видитъ удивительныя кар-
тины въ кинематографахъ, къ сожа-
лѣнію, чаще глупыя, въ родѣ душе-
раздирательныхъ драмъ на почвѣ
семейныхъ правонарушеній, и раз-
сматриваетъ въ музеѣ дѣйствитель-
ные, а не фантастическіе экземпля-
ры животнаго царства. Поэты и
пѣвцы дѣдовской эпохи воспѣвали
въ своихъ виршахъ любовь къ
бачѣ или къ мистическому идеалу;
современный поэтъ касается обще-
ственныхъ темъ и переживаній, не
исключая переѣзда по желѣзной
дорогѣ. *) Дѣдъ учился только

*) См. стихотворенія фирката въ моей книгѣ „Сарты“ (третье изд. 1908 г.), стр 109—117 и стихотвореніе ташкентскаго туземца: „Четвертый классъ“, напечатанное въ запискахъ Восточнаго Отдѣленія И. Р. Арх. Общ. (т. XIX, вып. IV, стр. 159—163), также стих. на кончину Императора Александра III (Сарты, изд. 2-е, стр. IX—XVI) и стихотворенія на разныя темы, напечат. въ разное время въ турк. туз. газетахъ.

въ своемъ мактабѣ и не имѣлъ понятій объ исторіи и географіи; внукъ учится не только въ реформированной школѣ русской и туземной, но и въ русской гимназіи, въ реальномъ и коммерческомъ училищахъ. Дѣды и прадѣды, впервые увидѣвшіе русскихъ, съ душевнымъ безпокойствомъ задавали имъ тревожный вопросъ: есть ли у русскихъ шайтанъ? А внуки уже участвуютъ въ самобытныхъ театральныхъ представленіяхъ, къ немалому смущенію отцовъ. Дѣды довольствовались знаніемъ курса своей старинной школы, а внуки *) хотятъ быть докторами, юристами, офицерами, чиновниками и т. д.

Не напоминаютъ ли вамъ приведенныя перемѣны въ жизни сартовъ послѣдняго, русскаго, періода такія же перемѣны въ бытѣ русскихъ XVIII вѣка, съ тѣмъ различіемъ, что у сартовъ процессъ эволюціи совершается быстрѣе, нежели у нашихъ предковъ указаннаго времени. Ташкентъ и Ташкентскіе сарты за такой сравнительно короткій періодъ, какъ истекшіе 50 лѣтъ со времени занятія города русскими неимовѣрно быстро, хотя не всесторонне измѣнились и развились,

---

*) Лицамъ изучившимъ сартовскую грамоту, рекомендуемъ прочитать о томъ же заявленіе туземца Муллы Алимъ въ № 44 туземной газеты за текущій годъ.

скажу культивировались, благодаря русскому управленію края, и это для будущаго историка р. Туркестана будетъ служить лучшимъ доказательствомъ нашего несравненнаго благодушія и благожелательства къ инороднымъ согражданамъ общаго нашего отечества, что должны сознавать и сами инородцы. Въ этомъ залѣ мы уже слышали, какъ управляли австрійцы покоренными имъ славянами и какъ нѣмцы хотятъ смотрѣть на подвластныхъ имъ славянъ. *)

Къ чести нашихъ Туркестанскихъ туземныхъ согражданъ, я считаю пріятнымъ долгомъ упомянуть о щедрой отзывчивости, съ какою они отнеслись къ приглашенію мѣстной администраціи о пожертвованіяхъ въ пользу геройскихъ и доблестныхъ защитниковъ общаго нашего государства, — обширной и могущественной Россіи.

Н. Остроумовъ.

---

*) Вы знаете, какъ старые нѣмецкіе феодалы обращались съ покоренными крестьянами Римской имперіи? Если крестьянинъ позволялъ себѣ убить дикую птицу на землѣ своего господина, то въ наказаніе крестьянину вскрывали животъ, вытаскивали кишку, при выходѣ ея изъ желудка, прибивали ее гвоздемъ къ дереву и затѣмъ гоняли крестьянина кругомъ дерева пока тотъ не вымотывалъ себѣ всѣ внутренности. Это не было обычаемъ,—это входило въ уголовный кодексъ. (Н. Вр.)

D.C.P. - N.Ver